

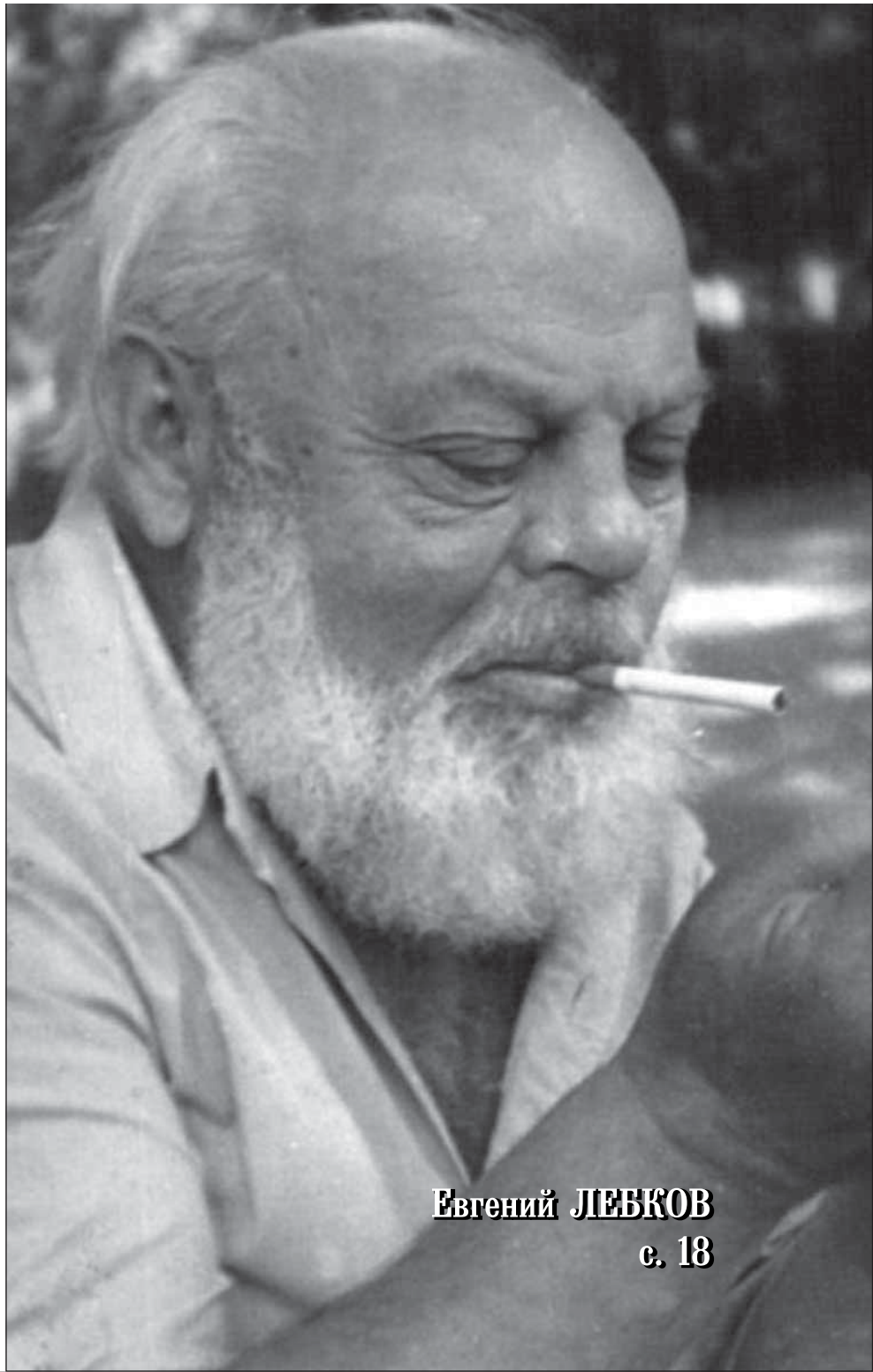

Издательский центр «Милицейский вестник», г. Арсеньев Приморского края

ЛИТЕРАТУРНЫЙ www.Litmeridian.ru МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

№ 1 (39)/2011
ЯНВАРЬ

Евгений ЛЕБКОВ
с. 18

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор –

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора, г. Хабаровск.
Ирина БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.
Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.
Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.
Эльвира КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ:**

Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объём издания – 5 печатных листов.
Тираж 600 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику
и фактически 8 января в 17-00.

Отпечатано в ОАО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Январь 2011 года

№ 1 (39)

- с. 1. Поздравления с Рождеством. О. Ефрем, о. Пётр
- с. 2. Путеводитель. Геннадий БОГДАНОВ
- с. 4. Родной глагол. Владимир ТЫЦКИХ
- с. 8. Свет памяти. Александр ЛЕЙФЕР
- с. 9. Проза. Борис ТОЛПЫШЕВ
- с. 10. Итоги конкурса «Учитель – главный человек».
- с. 13. Неопалимая купина. Родион ЧАСОВНИКОВ
- с. 16. Поэзия. Ольга РОЛИЧ
- с. 17. Поэзия. Евгений ЛЕБЕДЕВ
- с. 18. Поэзия. Евгений ЛЕБКОВ
- с. 20. Поэзия. Вячеслав ПРОТАСОВ
- с. 22. Поэзия. Александр ПЛЕТНЁВ
- с. 24. Трагедии минувшего века. Александр ЕГОРОВ
- с. 28. Пристальный взгляд. Людмила ЩИПУНОВА
- с. 31. Итоги морского конкурса
- с. 31. Поэзия. Анатолий ЗЛЫДНЕВ
- с. 32. Проза. Эльвира КОЧЕТКОВА
- с. 35. Проза. Витольд ЯДРЫШНИКОВ
- с. 38. Эхо прошлого века. Сергей ЮДИНЦЕВ

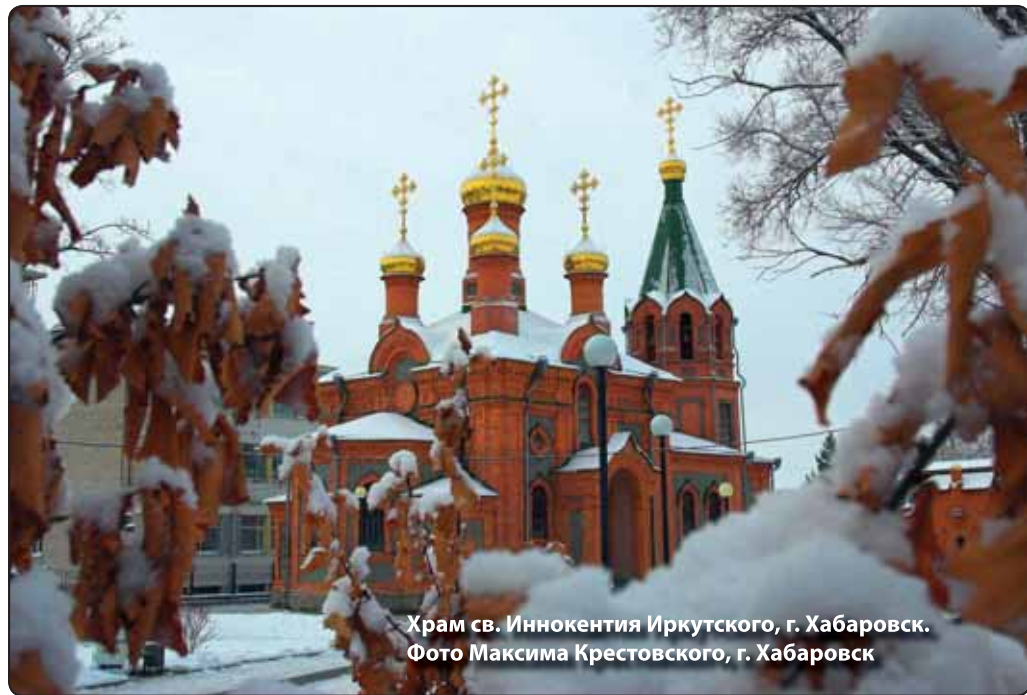
ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА!

Пришествие Христа Спасителя в мир в корне изменило человеческую жизнь и саму нашу природу. Мы не боимся бурных стихий житейского моря, ибо имеем надежную пристань в Царстве Христовом. Мы больше не одиноки в этом мире, ибо с нами Бог, простирающий Свою руку нам в помощь.

Все это даровано нам в Рождестве Христовом. Но распорядиться этим бесценным даром каждый может по-своему, ибо дана человеку свобода воли и даже Всемогущий Бог не нарушает ее. Мы можем скрыть этот дар, как евангельский талант, зарытый в землю, забыть о нем в суете обычной жизни с ее мелочными попечениями и заботами, а можем умножить его, осветив свои дни подвигом молитвенного труда, искренней любви к Богу и ближним, исполнением евангельских заповедей, участием в жизни Святой Матери-Церкви. И тогда мы увидим, как вместе с нашей душой меняется сама жизнь вокруг нас, как просветляется и преобразуется окружающий нас мир.

Пусть Господь Бог в нынешний светлый праздник дарует всем вам крепкого здоровья, сил для творчества и всех благ!

**Первый проректор
Хабаровской
духовной семинарии
игумен Ефрем**

Храм св. Иннокентия Иркутского, г. Хабаровск.
Фото Максима Крестовского, г. Хабаровск

Возлюбленные о Господе братья и сестры, уважаемые главный редактор Владимир Костылев, редколлегия и общественный совет редакции «Литературного меридиана», авторы и читатели!

Сердечно поздравляем вас с Рождеством Христовым!

Христос раждается, славьте! Христос с небес, встречайте!

Всякий, кто приобщается радости этого праздника, заново узнает чудо Рождества Христова, изумление мудрецов и пастухов, все то, что они пережили: «И, восшедши в дом, волхвы увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и падши, поклонились Ему; и открывши сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2,11).

Да будет дано нам узнать этого Младенца, Который несет свет миру вместе с Пречистой Его Матерью. Да воссияет и нам свет Его присносущный, чтобы мы могли увидеть глубины нашего спасения. И да принесем мы Ему золото нашей любви, ладан наших молитв и смирну наших ежедневных скорбей. И самый важный в нашей жизни подарок – благоволение – наша воля, устремленная к добру. Это и ваши труды, направленные к сердцам людей, ждущих любви, тепла и взаимопонимания.

Да поможет вам Господь в дальнейшем издании «Литературного меридиана». Наш приход с любовью встречает ваш ежемесячник, знакомится с дальневосточными авторами, новыми материалами и благодарен за неравнодушное отношение к своему делу и к нашей малой и большой Родине.

Здоровья вам, счастья, Божией милости и душ спасения!

**С уважением настоятель храма
св. Иннокентия Иркутского г. Хабаровска
игумен Петр (Путиёв) с прихожанами**

КУДА ЛЕТЯТ СОБАКИ ОСЕНЬЮ?

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск

Осенью минувшего года сотрудники редколлегии «Литературного меридиана» принимали участие в судействе номинантов литературного конкурса «Согласование времён–2010», по итогам которого планируется выпустить сборник лучших творческих работ.

Предлагаем вниманию читателей краткий критический обзор избранных произведений.

Часто меня смущают краткие сведения об авторе к подборке стихов. Несколько сухих строк, но сколько в них лауреатства и литературных премий, а ещё автор выпустил дюжину поэтических книг, и обязательно стипендиат какого-нибудь фонда с громкой фамилией и т.п.

Я это к тому, что по заданию редакции приходится быть обозревателем целой плеяды поэтов. Здесь неважно, есть у тебя настроение или нет, ты должен к сроку выдать «на-гора» критический материал. Дело гиблое и неблагодарное, ибо сколько людей, столько и мнений.

Борис Херсонский: и лауреат, и стипендиат, и автор многочисленных поэтических книг. Четыре строчки о нём сногшибательны. Любой пишущий позавидует такой литературной карьере. Читаю стихи:

Сидишь у шатра
на круглом зеленом холме
с чахлой бородкой,
в тяжёлом халате и белой чалме.

Пьешь подсолённый чай,
зелёный, с бараньим жиром,
опий куришь, себя называешь
великим эмиром,
типа, сiju, курю,
управляю подлунным миром.

И так далее на целую страницу о том, сколько жён в гареме и как много над миром минаретов. Концовка понятна – чтоб не скучали гяуры нужен новый взрыв. Язык не поворачивается назвать сочинения автора стихами высокой пробы. Но эти незатейливые тексты вполне понравятся рэперу **Noize MC (Иван Алексеев)**. **Баста (Василий Вакуленко)** с удовольствием пропел бы (вернее, прочитал) такое со сцены в своём концерте:

Муляжи, модели, протезы, макеты:
составы, бипланы, яхты, ракеты,
действующие автомобили.
Бездействующие пистолеты...

Да, дорогие читатели, это рэп, но при чём здесь стипендиат фонда **Бродского?**

Стас Картузов продолжает в том же стиле:

– В питерских дворах-колодцах,
Стас, только колоться, -
говорит мне нарик Игорь, -
начинал я, кстати, с азартных игр.

Картузов – коренной москвич, посещал семинары **Рейна, Рекемчука, Арутюнова**. Поговаривают, что вся «золотая молодёжь» Москвы сидит на кокаине.

Я слухам не верю, я читаю стихи:
– Девочки, Стас, как черти,
на асфальте мелом чертят
классики, звёздочки, круги;
если увидел, беги.

Интересная концовка у этой баллады в семи частях:

Какая там наркота,
я вот женился и завёл кота.

Называется это стихотворение просто: «Классики, звёздочки, круги». «Браво, Картузов!» – скажет **Гуф (Алексей Долматов)** популярный рэпер, прочитав тексты Картузова. А мне скучно от этих надоевших негритянских ритмов.

Игорь Царёв родился на Дальнем Востоке. Математик, инженер-конструктор. Сейчас сменил профессию – журналист. Вот, пожалуй, и всё об авторе, но, читая стихи Царёва, оттаиваешь душой:

Вот идет он, пьяненький,
в лысом валенке,
Намешав ерша, словно ртути к олову,
Но, при всем при том,
не такой и маленький,
Если целый мир уместился в голову.

Электричка мчится, качая креслица,
Контролеры лают, но не кусаются,

И вослед бродяге
старухи крестятся:
– Ты гляди, он пола-то
не касается!..

Это концовка стихотворения «Бродяга и Бродский», которое написано традиционно, но очень современно и от всей души. Все стихотворения в подборке хороши. С удовольствием прочитал «Зимний путь», «Город», «Февраль». Особенно хочу отметить стихотворение «Ангел из Чертаново». И не будем ломать голову – это настоящая поэзия:

Мир устроен не так нелепо,
Как нам чудится в дни печали,
Ведь земля
— это то же небо,
Только в самом его начале.

Татьяна Кадникова шутит:

Куда летят собаки осенью?
А бог их ведаёт — куда...

Хорошее стихотворение понятно всем. Несомненно, у автора свой взгляд на вещи и события, вокруг нас происходящие:

Старушка однажды на свалку пришла,
Чтоб выбрать диван по душе. –

Так начинается стихотворение «Старушка и диван», в котором необычная концовка с думающей крысой. Отмечу стихотворения «О слонах», «О нём». Заканчивается подборка непростой стихотворной балладой «Настоящие». Это стихотворение в шести частях автобиографично, впрочем, возможно, эта история жизни имеет отношение только к героине произведения, но в любом случае она поучительна и интересна.

Скромную подборку **Ирины Фещенко-Скворцовой** можно назвать «стихи из эмиграции». Есть в них какая-то неуловимая печаль по родным просторам. Впрочем, проживание в Португалии говорит само за себя. Отмечу несколько стихотворений знаком «+»: «Подмоет корни вкрадчивая речь...», «Голос», «Нагие – в мир пришли».

Елена Лапшина вступила в Союз писателей Москвы в 2003 году. Публиковалась почти во всех толстых журналах, как у себя на Родине, так и за рубежом. Автор двух поэтических сборников. Поэзия Лапшиной своеобразна и самобытна. Разговор с читателем доверителен:

На даче – лепота: пионы и люпин
толкнутся у стола, заглядывая в чашки.

Ноябрь.
Фото Натальи Панькиной, г. Арсеньев

Теплынь, а ты с утра ворчишь,
и ты – любим
до каждой клеточки
на клетчатой рубашке.

Конечно же, у Елены Лапшиной есть свой читатель, и для него всегда приятна встреча с новыми стихами автора. На мой взгляд, некоторым стихам Елены не хватает названий. В стихотворении «Я видела – в лучах его, далече...» название просто обязательно.

Чётко и лаконично начинается предисловие к стихам уже известного мне и полюбившегося нашим читателям автора: «**Сергей Пагын** – поэт». Я неоднократно писал на страницах «Литературного меридиана» о творчестве этого талантливого поэта. Жаль, что в сведениях об авторе ни слова не сказано о публикации его стихов в нашей газете. Конечно же, наше скромное издание – это не «Дружба народов». В заключение своего обзора с удовольствием цитирую одно стихотворение Сергея:

Смерть, как мальчика,
возьмет за подбородок.
«Снегирёк... щегленок... зимородок... –
скажет нежно, заглянув в глаза. –
Ну, пошли со мною, егоза».

И меня поднимет за подмышки,
и глядишь: я маленький – в пальтишке
с латкою на стертом рукаве,
с петушком на палочке, с дудой,
с глиняной свистулькой расписною,
с мыльными шарами в голове.
А вокруг – безлюдно и беззвездно...
Только пустошь, где репейник мерзлый.
Только вой собачий вдалеке.
Только ветер дует предрассветный.
И к щеке я прижимаюсь смертной,
словно к зимней маминой щеке.

СИМ ПОБЕДИМ!

Газета «Завтра». № 1 (894) от 5 января 2011 г.

Владимир ТЫЦКИХ,
г. Владивосток

Ничего не было случайного в этот день, всё было своевременным и необходимым. И то, что мы вчера приехали из-под Сергиева Посада в Псков, а сегодня с утра Валентин Яковлевич поменял наши планы, предложив вместо Михайловского съездить перво-наперво в Изборск. И то, что в Изборске, в монастыре и в крепости, он показал и рассказал нам, и то, что погода случилась совсем не экскурсионная, и ум и сердце как-то сразу настроились не на любованье красотами, действительно потрясающими, а на раздумье и сочувствование всему, что предстояло увидеть и услышать.

Дождь шёл давно, трезвый и как-то особенно беспокойный, лившийся с неразглядного, но почему-то кажущегося высоким, неба. Ветер, сделавший наши зонтики бесполезными, рвал дождевые струи и дул со всех сторон так порывисто и неотвратимо, будто знал, о чём мы ещё не знали, и объявлял тревогу, настаивая, чтобы мы услышали его упреждающий призыв.

Олег Шелудько, школьный мой товарищ, с которым мы дружим без году полвека, хотя давным-давно разделены почти десятком тысяч километров, припарковал машину на обочине шоссе от Изборска на Псков, где указал Валентин Яковлевич Курбатова.

Мы не взяли ни видеокамеры, ни фотоаппаратов, и до и после на протяжении всей поездки работавших непрерывно. И это тоже было не случайно. Уже через несколько минут стало ясно, что сюда мы, как поётся в одной хорошей песне, непременно должны однажды вернуться.

А мне теперь кажется, что и возвращаться не надо – мы уже там навсегда.

«СВЯЩЕННЫЙ ХОЛМ – СИМВОЛ ЕДИНСТВА ИСТОРИИ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА, ОН ВМЕЩАЕТ В СЕБЯ ГОРСТИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, ОВЕЯННОЙ ПОДВИГОМ И СЛАВОЙ ЕЁ ГЕРОЕВ, ВПИСАННЫХ ЗОЛОТЫМИ БУКВАМИ В ЛЕТОПИСЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Освящён высокопреосвященнейшим Евсевием, архиепископом Псковским и Великолукским, в день праздника Воздвижения Креста Господня 27 сентября 2007 года».

Мы ещё не прочли этих слов на чёрномраморной плите, ещё не открыли, кто и зачем поднял этот Холм в поле, не случайно, конечно же, названном Сшибкой, и что означает водружённый над Холмом Крест, и зачем Валентин Яковлевич велел здесь остановиться. Но уже горячей волной поднималось в душе предощущение чего-то по-настоящему значительного, главного, без чего не могло быть жизни для нас. В шуме дождя и ветра, в пустынности остуженного сентябрём поля,

в безлюдности мокрого шоссе, на котором в обе стороны не было видно ни одной машины, в сосредоточенной устремлённости Креста к небу слышался мне бессловесный укор: почему я об этом ещё не знаю, почему не знают об этом все, от мала до велика, русские люди, все наши сограждане, в чьих руках нынешний день и все грядущие дни и века Отечества?

Дома Валентин Яковлевич включил компьютер. Зашипел, раскручиваясь, диск, ударили из динамиков колокола, и мы увидели на экране монитора, как рождалась святыня. Мы прочли: «Сим победиши» и услышали голос Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: «Я не знаю, были ли вообще в нашей русской истории лёгкие времена. Пожалуй, их не было. Но народ находил мужество преодолевать трудности, противостоять им...»

Время ожило. Закадровый голос подлинного русского писателя из Пскова звучал, может быть, тише, чем полагалось происходящим. Но он словно взял нас за руку и повёл туда, где мы всегда были, хотя до сих пор не ведали об этом:

– Поднимитесь сейчас с нами в древнем Изборске над Городищенским озером или встаньте в Михайловском над Соротью, в Поленове над Окой, в Сростках над шукшинской Катунью, да над каждой русской рекой в своём городе и селе, и сердце вздрогнет и полетит: как же прекрасна, как ненаглядна наша земля! И покажется, так было всегда: шли белейшие облака, лебедино плыли храмы, сияли крестами монастыри, радовались покою и труду люди. А только Словенские ключи не зря льют свои чистые слёзы – накопила земля этих слёз за века. Со времён «Слова о полку...» если не чужие придут, то брат встанет на брата, князь на князя: листы летописи или воспоминания о родной истории окажутся полны битв. И страшен будет храп коней, плач жён у конских сёдел и стон пленников. И век за веком в славе и бесславии кипела родная земля, и синодики храмов и монастырей наполнились именами воинов и страдальцев и расходились по памятным плитам и доскам, и дьяконы век за веком возглашали на панихидах вечную память, и батюшки славил перед Богом и Родиной ту гибель. И пора бы устать людям от правой и неправой вражды, пора увидеть, что слава запуталась, не зная, на кого возлагать венок.

Как мы в детстве любовались Чапаевым, как ликовал зал, а ведь в атаку против него сомкнутым строем шёл, как написал однажды прекрасный русский писатель Владимир Солоухин, поручик Лермонтов, шёл поручик Толстой, шёл поручик Александр Куприн... Шёл

Антон Иванович Деникин, недавно возвращённый из эмиграции и погребённый с честью на кладбище Донского монастыря, шёл Александр Васильевич Колчак, чей памятник стоит сейчас у Знаменского монастыря в Иркутске, шли славные дроздовцы, чей гимн «Смело мы в бой пойдём за Русь святую» другие герои перевели как «Смело мы в бой пойдём за власть Советов». Правда металась на нейтральной полосе, убиваемая теми и другими, и выходила долго и болезненно и сегодня ведь не остановившейся войной. Разве что неприятель сегодня поумнел и идёт неслышной пятой колонной, разрушая русский язык, изгоняя дух для торжества плоти, нарочито замутняя смятое временем сознание.

Но не зря воскресают старые и строятся новые храмы и монастыри, не зря звучит благовест колоколен и идут и идут крестные ходы, становясь всё шире, всё полноводнее. Сознание срастается медленней и незаметней, чем просит душа, но оно срастается, как ни гуляет яркое торжествующее зло, и однажды в русском сердце не могла не родиться мысль выйти из порочного круга красных и белых, левых и правых правд и попытаться услышать их единым русским сердцем, дать им простить друг друга в усталой и много понявшей душе, чтобы начать жить мудрее и целостнее не с новой страницы, а с новым сознанием любви и надежды на новый выход из минувшего, на новый, нехоженный, но только в русской душе и могущий родиться путь.

Крест должен был встать как человек в дверях истории, раскинув руки, чтобы каждый увидел, что далее уже нельзя человек на человека, правда на правду, потому что есть Истина, и она есть Любовь и Единство.

Первым лучше других услышал и назвал вектор этого пути писатель Александр Проханов, призвав собрать земли русской славы и мученической истории под Крестом прощения и единства. И назвал адрес: «Псковская область. Это порубежная область, сюда переместились стратегические интересы как России, так и нашего окружения, во многом враждебного. Эта область должна заявить о себе как глубинная русская область, которая заставляет Россию вспомнить о всей своей вековой огромной истории... здесь на протяжении всей необъятной русской истории все эры русской судьбы, все эры русского исторического эпоса оставили очень яркие и святые отпечатки».

Дальше пойдёт одна общая цитата осенних дней 2007 года, когда встал Священный Холм под Изборском. Неважно, кто сказал те или иные слова: писатели Александр Проханов или Валентин Курбатов, председатель колхоза «Изборск» Вадим Иванов или руководитель духовно-светского сообщества «Переправа» Александр Нотин, архитектор Священного Холма, он же создатель трепетно-светлой церкви Вознесения Христова на Орлецовском кладбище, Юрий Ширяев или депутат Государственной Думы Алексей Сигуткин, искусствовед, редактор Савва Ямщиков или археолог, академик Академии наук Российской Федерации Анатолий Кирпичников... Их устами говорил народ, уже в самом деле утомленный не столько нерусским солнцем, сколько русской распрей, народ, заплативший самой большой кровью за свои и чужие победы

в своих и чужих войнах, за своё отступничество перед собой, за готовность соблазниться чужими идеями.

Цитата эта прозвучит здесь не дословно и не последовательно, не всегда даже близко к тексту, но так, как она вошла в память своими смыслами, своим сердцебиением. Фрагменты её отпечатывались в сознании, сообразуясь с собственной правдой и логикой, каждое слово звучало отдельно и все слова вместе, выстраиваясь не по хронологии, но по какому-то ими самими определяемому значению. И вслед им приходили другие слова, которые, возможно, не были, но могли быть сказаны другими людьми в каком-нибудь другом месте. И все они требовали не заключать их в кавычки, могущие помешать им всколыхнуть Россию. А сделать надо именно это – всколыхнуть, поднять всю Россию, потому что всё другое уже ничего не решит.

Кого Бог хочет наказать, лишает разума. Общинный русский разум повреждён двадцатым веком, самым страшным веком русской истории. В нём утвердился распад и растерянность. Общество наше сейчас обесмыслено. Человек забыл истинное своё назначение, истинное божественное происхождение своё и ударился во все тяжкие. Отсюда у нас экологические проблемы, отсюда военные конфликты, отсюда бесконечное, постоянно умножающееся количество противоречий, разногласий, споров, свар. Но мы ещё открыты для духовного возрождения, для того, чтобы переосмыслить свою историю, понять, что вера, наша благодатная вера ничуть не противоречит науке и современному философскому осмыслению мира, не противоречит современной жизни. Надо поднять старые российские традиции, наши истоки, наши корни, оживить их и вспомнить, что великие русские победы все были с Богом в сердце. Священный Холм призывает именно к этому. Если мы это сделаем, процесс духовного возрождения России станет первым и важнейшим национальным проектом. Тогда сила и спокойная уверенность вернутся в наши души и мы сможем и строить космические корабли, и осваивать любые просторы, и восстанавливать поруганную, разрушенную Родину, и прекратить демографическое убывание.

В этот Холм, как в чашу, должны быть слиты все великие русские исторические энергии. Энергии наших побед, энергии наших свершений, энергии наших боготкровений, энергии, которые сотворили великое государство, великую культуру, великую православную церковь. Псковская земля, как никакая другая, несёт в себе отпечатки знаменитой, предвечной русской истории.

Тут словами можно всё объяснить и можно всё запутать, доведя до абсурда. А в принципе всё просто и ясно: собрались псковские бородатые мужики – классные ребята, они ерундой заниматься не будут, у них есть свои проблемы – и сделали необходимое дело.

И земли стали собираться словно сами собой. Земли святых подвижников, поэтов, полководцев, героев, мучеников, земли братских могил и монастырей. С Труворова городища и городища Кобыльева, от боевых костеров-башен древнего Пскова, из Выбут и Буд-

ников, от Святогорского монастыря в Михайловском, со станции Дно и из-под Великих Лук, от Ступинских высот и из-под псковской Черёхи... Земли, сберегающие память князя Трувора, зачинавшего с Рюриком и Синеусом Киево-Новгородскую Русь, великой княгини Ольги – святой Елены, её внука, крестителя Руси Владимира Красное Солнышко, святого князя Александра Невского, святого великомученика Николая II... Земля бессмертного Александра Пушкина. Земля рядового Александра Матросова. Земля воинов 6-й парашютно-десантной роты, которых Псков ещё помнит в лицо... Дорогая русская земля, не потерпевшая ни Стефана Батория, ни тевтонских рыцарей, ни Густава Адольфа, едва ли не парадным маршем прошедшего через всю Европу...

У нас никогда не было такого символа, такого памятника – памятника народу от благодарной Родины. Памятники отдельным героям есть, а вот памятника всему народу не было до сих пор. Этот Холм и этот Крест обязаны были явиться как памятник всему российскому народу, как символ веры, символ единства, символ России, которая поднимается с колен.

4 ноября 2007-го, в День единства, ещё не вполне привившийся в России новый праздник, сюда опять пришли люди. День начался с закладки часовни во имя иконы Державной Божией Матери. Подрос Священный Холм: в него добавился образец грунта, взятый глубоководным обитаемым аппаратом «Мир-1» из точки географического Северного полюса с глубины 4261 метра. Прибавилась к нему земля Соловецкого монастыря, присланная монастырской братией. И земля от стен Московского Кремля. И земля с берегов Невы. Скорбная и великая земля Пискаревки, горькая и неподсудная земля Сен-жневьев-де-буа...

Валентин Яковлевич молча сидел рядом, и я стеснялся встретиться с ним глазами, когда за кадром звучал его голос:

– ...земля измученная, израненная, прошедшая войны, революции, все наши потрясения, возвращалась домой и находила успокоение... И уже нельзя представить, что этого Креста в русской земле не было, словно он встал тут с нашим крещением, и теперь уже ясно, что совершилось в русской истории что-то очень значительное, небывалое, и мы начинаем выздоравливать, чтобы однажды вновь стать народом, как в великие часы своей победы и славы, и отныне уже не ронять своей истории своеволием и беспамятством, а так и идти с укрепляющей памятью о том Кресте во всей его животворящей силе.

Я вернулся во Владивосток, дни шли за днями, но уже не отпускали, не переставали звучать слова, услышанные на другом краю Родины. Они были сказаны мне, и я должен был их запомнить и должен был, помня о них, что-то начать делать. «Простая работа переправы с неустойчивого берега России на твёрдую землю должгой, ясно сознающей свою силу Родины, продолжилась... и стало понятно, что всё уже свершилось... Чтобы все ушедшие герои и мученики, ратники и терпеливые русские люди сошлись там, в небесах, для общей молитвы за нас, и Холм стал бы иконой всей русской земли и крепил нас животно-

рящей силой, как крепят в трудный час мощи наших святых...»

Исчерпывающе, одной фразой, было сказано самое главное – как единственно возможный лозунг, как первый призыв и последний приказ: «Живой труд необходимого объединения»...

Удивительно, но и здесь, когда во всей полноте всеми присутствующими и участвующими осознавалась вековая глубина всенародной русской трагедии, русские люди думали не о себе, не только о себе! Эта русская отзывчивость, эта непреходящая, несвоекорыстная забота обо всех, даже и недругах наших, хорошо была выражена Александром Нотиним. Во многих нынешних бедах, сказал он, Запад – лидер, оттуда всё идёт. Можем ли мы слепо копировать путь западных цивилизаторов? Не есть ли наше отставание на этом пути, на самом деле, опережением? Потому что если мы отстали от мчащегося под откос поезда, то, наверное, не следует по этому поводу паниковать. Россия, в конце концов, может протянуть руку Западу, вытягивая его из той рационально-материалистической трясины, в которую человечество себя загоняет...

Да ведь моё сердце стучит об этом же, моё сознание сжигает та же мысль, моя память кричит о том же. И уже не надо искать слов лучше – там, под Изборском, сказаны все необходимые и лучшие слова, которые осталось только услышать и последовать за ними, уже неотступно, неостановимо делая дело, начатое москвичами, псковичами, изборянами за всех нас, от имени всех нас, от имени и во имя нашей России.

Вспомнился Николай Михайлович Карамзин: «...истина, Псков спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится из нашей истории, доколе мы не утратим Любви к отечеству и своего имени».

И необходимо явилась мысль – Священный Холм с Крестом прощения и объединения должен встать на русском Дальнем Востоке, чтобы с тем, уже поднявшимся под Изборском, неразрывно и непобедимо скрепить родимую землю от края до края. И тогда мы отмолим страшный грех взаимной нелюбви и все, кто жил, живёт сейчас и ещё будет жить на просторах России, станут одной неразлучной и нерасторжимой семьёй.

Мысль властно утверждалась в сознании, пугая неотвратимостью дела, которое уже нельзя откладывать на потом.

И тут одолело малодушие: легко им, изборянам, было сказать – всё просто и ясно, собрались мужики да сделали – после того, как Холм поднялся, а Крест уже не только был нарисован на компьютере архитектора, но вживую вознёсся над долом. А если всё с начала, с самого начала, когда ничего нет, когда ты здесь один знаешь, как это необходимо, а все, кто тебя понимает и готов подставить тебе плечо, так далеко, что не окликнуть, не позвать на помощь?

И сколько всего понадобится: земля, какие-то, наверное, немалые деньги...

Да ведь есть ещё русские люди и среди богатых, и в чиновных кабинетах всех властей и всех уровней, и уж наверняка сердцем отзовется на спасительный

ключ настоящий, наш, не утративший соборности народ. И как попросим всем миром, разве смогут отказать родные краевые-городские вожди-начальники в выдаче малого земельного надела на неудобных Владивостока или в окрестностях, где-нибудь на сопке, на самой вершинке, откуда видно далеко и которая сама будет видна со многих сторон? А если не отворят кошельков богачи, разве не сможем мы, все остальные, сложиться по рублику, чтобы хватило на святую стройку? Вспомнилось, как начинала «Литературная Россия» собирать средства на восстановление храма Христа Спасителя. Безнадёжное ведь было дело, а храм-то – погляди! – стоит, слава Богу.

Лучше всего, конечно, поставить Крест в черте города, на хорошем возвышении, где сохранились укрепления Владивостокской крепости. И хорошо бы рядом – церковь. Да в ней – поимённые списки всех, кто поучаствует в святом деле...

Вот, может быть, очень неплохой вариант. Русский остров, Поспеловский форт недалеко от мыса Поспелова и одноимённого посёлочка. Форт не виден ни с моря, ни с суши – век-то с лишним назад военные инженеры-фортификаторы своё дело знали. Стены и своды царских бетонных казематов открываются путнику внезапно за поворотом лесной дороги. И тут уже нельзя не восхититься их мощью и сохранностью, нельзя не подивиться их сдержанной красоте и неожиданному изяществу, с которым они вписаны в естественный природный ландшафт. Отсюда широко, до самого горизонта, на три стороны открывается море и как на ладони предстают бухты и прибрежные районы Владивостока. Если здесь поднять Крест, он будет виден на всём протяжении залива Босфор Восточный, на выходе из Золотого Рога, с полуострова Шкота, с мыса Эгершельд, с мыса Чуркина, с высот в центре Приморской столицы, с акватории Уссурийского залива.

На Поспелове сейчас стройка века – Русский остров готовится к Азиатско-Тихоокеанскому экономическому саммиту 2012 года. При расчистке площадки под современный причал «пошли под снос» прибрежные скалы, на одной из которых стоял памятник «Любившим Россию и покинувшим её в память о трагическом исходе в октябре 1922 года».

Кроме этой, на памятнике была ещё такая надпись:

«25 октября ушли из Владивостока корабли Сибирской военной флотилии под командованием контр-адмирала Г.К. Старка "Байкал", "Диомид", "Свирь", "Страж", "Парис", "Батарей", "Фарватер", "Илья Муромец", "Лейтенант Дыдымов", "Эльдорадо", "Монгугай", "Манджур", "Надёжный", "Ординарец", "Стрелок", "Резвый", "Охотск", "Защитник", "Патрокл", "Воевода", "Тунгуз", "Чифу", "Пушкарь", "Смельчак", "Взрыватель"».

С экипажами этих кораблей уходили кадеты, мальчишки, не участвовавшие в боях Гражданской войны, но рассеянные без вины по свету и навсегда пропавшие для России...

Священный Холм видится комплексным мемориалом. Он должен вобрать в себя имена кораблей и

людей, связанных с Русским островом, с Владивостоком, достойных живой памяти. Их много, и кораблей, и людей, их очень много прошло через Русский остров, остров-гарнизон, остров-защитник, остров-легенду... Михаил Паникаха, живым факелом бросившийся под танк в Сталинграде, не помешает Лавру Корнилову, в своё время жившему на Русском острове на улице Экипажной... Найдётся меж них место и Сергею Лазо, который именно здесь, на этом острове, сказал слова, когда-то известные всем нашим школьникам: «Вот за эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрём, но не отдадим её никому»...

И земли найдётся довольно. Той, что сама не забудет и нам напомнит Ермака Тимофеевича и Ерофея Хабарова, адмирала Геннадия Невельского и адмирала Степана Макарова, учёного и писателя Владимира Арсеньева, пограничника Никиту Карацупу и лётчицу Полину Осипенко... Из зауральских скитов и острогов, с кандаального Московского тракта, из глубины сибирских руд, из Спасска и Волочаевки, из Петропавловска-Камчатского, под командованием адмирала Василия Завойко отразившего в 1854 году натиск англо-французской эскадры, с трагической Колымы, с героического Хасана, с пограничных застав имени Ивана Стрельникова и Демократа Леонова, из Комсомольска и Находки, с БАМа и Братска... К месту придёт и земля с Бородинского поля, с братских могил Подмосковья, где в 1941 году вступили в бой морские стрелковые бригады с Дальнего Востока. А были ещё Порт-Артур и Чемульпо, Халхин-Гол и Корея, Сейсин и Шумшу... В Чугуевке прошли молодые годы Александра Фадеева, в Гродеково последний свой час встретил Арсений Несмелов...

Земля эта ждёт нас, чтобы мы собрали её снова, а уж она за нас постоит.

ОТ РЕДАКЦИИ

*«ЛитМ» присоединяется к проекту и предлагает это сделать своим подписчикам и читателям. Мы не знаем, когда Священный Холм появится на дальневосточной земле, но уверены, что так будет. Подобно тому, как всем миром собирались средства для возрождения Храма Христа Спасителя в Москве, видимо, надо собирать средства и на возведение нашего Холма. Посылать их – любые суммы – можно почтовым переводом по адресу: **692342, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16, редакция ежемесячника «Литературный меридиан», главному редактору Костылеву Владимиру Александровичу. Обязательна приписка – «На возведение Креста прощения и примирения». «Литературный меридиан» будет публиковать полные списки жертвователей с указанием (кроме тех, кто этого не захочет и уведомит об этом редколлегию) сумм их пожертвований. Списки жертвователей будут предложены создателям Холма и Креста для их увековечивания в мемориале.***

БЕЛЛА-АПА

В подмосковном Переделкино на 74-м году жизни скончалась Белла Ахатовна Ахмадулина.

Среди документальных фильмов, снятых Леонидом Парфёновым, чьё имя сейчас, после его смелой речи, у всех на устах, есть один, вспоминать который в последнее время как-то не принято. Имею в виду трёхсерийный фильм «Дети XX съезда» (1987 г.), созданный совместно с Андреем Разбашом, – печальный рассказ о шестидесятниках. О романтических, обманувшихся людях, веривших в «хорошего» Ленина, в идеалы Революции, которые, по их тогдашнему, послесъездовскому мнению, исказил пришедший на смену Владимиру Ильичу «плохой» Сталин. Их уже почти нет, этих замечательных людей, один за другим они уходят – Роберт Рождественский, Булат Окуджава, совсем недавно – Андрей Вознесенский, Василий Аксёнов... И вот – Белла Ахмадулина.

Евгений Попов, первым коротко сообщивший в своём блоге о её смерти и сказавший в её адрес точные слова – «великий русский поэт», относит себя к «поздним шестидесятникам». Я на пару лет старше Евгения Анатольевича и тоже помню шестидесятые годы, небывалый интерес к поэзии и вообще к литературе, к гуманитарной стороне жизни. Помню «Струну» – первый сборничек Ахмадулиной, чью-то доброжелательную эпиграмму в журнале «Юность», которым все мы тогда зачитывались: «Сыграла на одной «Струне», а сколько в душах струн задела...»

Учился я в Казанском университете, и однажды (было это, кажется, на 2-м курсе, т.е., скорее всего, – в начале 63-го года) в Казань приехала большая группа московских писателей. Пришли они выступать и к нам в университет. Из всех московских гостей (а было их человек аж пятнадцать) в памяти остались только двое – Джемс Паттерсон и она – Белла. Паттерсона я запомнил, разумеется, из-за его колоритности – ведь это был тот самый негритянский мальчик из кинофильма «Цирк», чьи родители после съёмок этой знаковой картины остались в СССР. А Белла, несмотря на свою молодость, была самой знаменитой среди

приехавших, это из-за неё оказался битком набитым актёрский зал главного университетского корпуса.

Из её выступления запомнил два момента. Представлявший москвичей пожилой седовласый татарский писатель, несмотря на то, что по возрасту гостя годилась ему во внучки, несколько раз почтительно назвал её «Белла-апа» – так в Татарии называют женщин достойных, заслуживших всеобщее уважение не только своим возрастом, но и своими делами.

И на всю жизнь запомнил я, как читала Белла Ахмадулина – не ЧТО, а именно КАК. Такой завораживающей манеры чтения собственных стихов я не слышал больше ни у одного поэта. Хоть

наслушался авторского чтения за многие годы прикосновения к литературной жизни предостаточно.

Изящная, красивая, она стояла перед микрофоном, полузакрыв глаза, отключившись от всего на свете. Звук её голоса, казалось, рождался где-то в самой глубине её точёной фигурки – может быть, возле сердца. Голова её была поднята, горлышко вытянуто вверх, и создавалось впечатление, что обращалась она не к нам, сидящим в этом старинном зале, а к кому-то находящемуся далеко – в недостижимых небесных пределах. И этот КТО-ТО внимательно и сочувственно слушает её прекрасные стихотворения, с пониманием кивает после каждого, а мы лишь присутствуем при этом полубожественном диалоге...

Почти полвека прошло после этого вечера, а ощущение счастья, накотившее на меня во время её выступления, до сих пор помнится, осталось в душе навсегда. Мне никогда не забыть ни Вас, Белла Ахатовна, ни Ваших друзей, которых Вы так любили («...а я люблю товарищей моих!»). Ни того, что Вы и они сделали для всех нас.

Спите спокойно, Белла-апа.

Александр ЛЕЙФЕР,
Омск, ул. XX Партсъезда,
ночь с 29 на 30 ноября 2010 года

МГНОВЕНИЯ

/миниатюры/

Борис ТОЛПЫШЕВ,

г. Липовцы, Приморский край

ЛОЖЕЧКА ГОРЧИЦЫ

Сыну было около трёх лет. По случаю праздника, какого – не помню, собрались мы дружно...

И, конечно, без застолья не обошлось. За стол посадили и сына.

На столе стояла баночка с горчицей. Любители пробовали её помаленьку и расхваливали её вкус. Услышав это, попросил горчицы и сын. Я взял немножко чайной ложкой и дал ему, объясняя, чтобы мазал на хлеб сам. Сын заплакал и сказал: «Хочу много!»

Отговаривал я, жена, гости – бесполезно!

Ну что не сделаешь ради ребёнка, чтобы удовлетворить его каприз.

Взяв баночку с горчицей, я поднёс её сыну: «Бери сколько хочешь!» Сын зачерпнул полную ложечку, и не успели мы глазом моргнуть, как эта ложечка оказалась у него во рту...

Секунда – и ложечка полетела на пол.

Сын махал руками, глаза его округлились, побежали слёзы. Он, размазывая слёзы и горчицу по щекам, сплёвывал и кричал: «Не хочу! Выньте из меня это!»

ГЛОТОК ВОДКИ

У старших детей, сына и дочери, дни рождения 28 и 29 июня, только года разные. Но я не об этом.

Однажды именины отмечали в один день. В обед дети пили чай, лимонад, ели торт. К вечеру собрались взрослые: родственники, друзья.

...Веселье было в разгаре. Кто танцевал, кто отлучился покурить. Мы с другом задержались за столом, о чём-то разговаривали. С противоположной стороны стола подошла моя младшая дочь, которой было всего полтора года, и взяла со стола кем-то не допитую стопку водки. Друг заметил это и сказал мне. Забрать стопку я не успел, а лишь вскрикнул:

– Не пей! Это «кака»!

Но то ли она не услышала моего крика (громко играла музыка), то ли нарочно проигнорировала моё предупреждение – сделала глоток. В глазах её я увидел ужас. И, когда ей удалось глотнуть воздуха, раздался громкий крик, который переполошил всех.

Ночью дочь спала плохо, её рвало – отравилась.

С того времени, пока дочь не подросла, всегда, прежде чем что-то пить, она спрашивала у родителей:

– Это «кака» или «ляля»?

И когда получала положительный ответ, пила.

ИТОГИ КОНКУРСА «УЧИТЕЛЬ – ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

По решению жюри, победителями конкурса «Учитель – главный человек» признаны **Анна Кузьмина** (с. им. Полины Осипенко, Хабаровский край), **Анастасия Попкова** (г. Владивосток) и **Дария Конова** (г. Владивосток). Победители конкурса награждаются почетными грамотами, книгами приморских писателей, а также полугодовой подпиской на «Литературный меридиан». Представляем вниманию наших читателей творческие работы победителей.

номинация

«ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ»

Анна КУЗЬМИНА,

учащаяся школы № 57,
село им. Полины Осипенко, Хабаровский край

Школьные годы чудесные. Чудесные тем, что каждый день видишь лица одноклассников, многие из которых стали уже друзьями. Встречаешься с учителями, вместе с которыми каждый урок ты открываешь для себя новый мир. Школьные годы – это не только время получения знаний, но и время применения этих знаний в различных конкурсах, которые проходят в нашем районе и крае.

Во время весенних каникул 2009 года я и несколько ребят из нашей школы побывали в Хабаровске. А случилось это так.

Мы, команда учащихся МОУ СОШ села имени Полины Осипенко, к тому времени уже второй год принимали участие в сетевом краевом конкурсе «Цифровые каникулы». Этот конкурс проходит заочно на сайте *ХабаВики*. В нём участвуют команды учащихся Хабаровского края. В 2008 году участвовало 40 команд со всего края, в 2009 – 50 команд. Наша команда «Калейдоскоп» в 2008 году заняла 12 место. В 2009 году команда «Мышки» по руководством Викторией Викторовны Стеценко завоевала 10 место, получила приз зрительских симпатий и была награждена поездкой на очный тур в город Хабаровск.

Участвуя в заочном туре конкурса, наша команда должна была завести личную страничку на сайте, на котором мы представили бы каждого участника команды, рассказали о районе имени Полины Осипенко, поместили фотографии, сделали ссылку на видеоролик о нашей команде, ссылки на все выполненные задания.

А задания были непростые. Необходимо было завести аккаунт Google (страничка в Интернете); используя его, создать блог (электронный дневник). В течение всего конкурса в нём вели записи о самых интересных событиях из жизни участников команды. Приняв участие в проекте «Новое поколение выбирает» по правилам сайта *Летописи.ру*, мы провели исследовательскую работу о молодёжных субкультурах, существующих в нашем районе. На сайте *Анкетёр* создали свой социологический опрос по проблемам молодёжи и о путях их решения в своём районе, о жизни в школе. Участвовали в on-line конференции «Письмо губернатору», через программу *Skype* общались с ребятами из других команд, обсуждали проблемы молодёжи, ведь 2009 год был объявлен годом молодёжи. За все задания мы получили высокие баллы, нам совсем чуть-чуть не хватило до победы, просто иногда не знали, как выполнить ту или иную операцию технически. Но зато наша команда всем понравилась, запомнилась, и мы завоевали приз зрительских симпатий!

Мы все с нетерпением ждали открытого очного тура «Цифровых каникул». Начался он со знакомства с Лавренко Михаилом Ивановичем, проректором по информатизации ХК ИППК ПК. Он поздравил нас с успехом и пожелал плодотворной работы на очном туре, представил ведущего конкурса Павла Павловича Косырева. Павел Павлович все три дня с нами общался и давал разные интересные задания, которые придумывал сам. Ещё он запомнился нам прекрасным чувством юмора.

Первый день начался с интересного задания – *ТимБилдинга*. Это задание, при выполнении которого мы должны были проявить своё творчество. Оно состояло из семи творческих дел. Павел Павлович сопровождал каждое занятие шутками-прибаутками. Что мы только не делали! Создавали индивидуальные бейджики, объёмный талисман команды, украшали монитор компьютера аппликацией, придумывали различные предназначение дискете, с помощью смайликов зашифровывали слово «весна», изобрели универсальную клавиатуру! В общем, было очень весело!

Каждый день были мастер-классы, знакомившие нас с различными компьютерными программами. На первом мастер-классе Лавренко Михаил Иванович научил нас создавать на электронной карте России метки, при нажатии на которые появляется фотография или статья о населённом пункте. После этого мы самостоятельно на карте нашли расположение села имени Полины Осипенко и сделали метку, при нажатии на неё появляется фотография нашей команды!

На другом мастер-классе Бордюкова Елена Викторовна научила нас создавать анимационные ролики средствами интерактивной доски. Все команды получили задание: придумать свой анимационный ролик на темы: «Интерактивная доска – это...», «Задание для учителя», «Цифровые каникулы – это...». Мы выбрали третью тему. Много было идей и предложений. В итоге ролик получился интересным и со смыслом. Наш ролик встретили все на «ура» и с аплодисментами! Он оказался лучшим!

На третьем мастер-классе Косырев Павел Павлович рассказал нам, как можно обрабатывать фотографии в *Фотошопе*. Оказывается, это очень интересно! Фотографией нашей команды занимался Гузенко Владимир. Получилась необычная фотография. На следующий день нас познакомили с программой *Dance EJay*. Она позволяет создавать музыку даже тому, кому «медведь наступил на ухо». Все получили задание: сочинить мотив своей команды за один час. Наши ребята сочинили три мелодии, и мы не знали, какую выбрать. Решили провести «народную экспертизу». Экспертами стали: Стеценко Виктория Викторовна (наш руководитель), Юлия Андрищенко и Одариченко Оксана Ивановна – члены жюри заочного тура. Итог: выбрали все три песни. Путём жребия выбор был сделан в пользу моей музыки. Моя мелодия тоже оказалась лучшей.

Интересное было задание второго дня – *Энкаутер*. Его нужно было выполнить в центре города, за два часа, гуляя по центральным улицам. Начиналось оно с Комсомольской

площади. В задании было восемь вопросов, зашифрованных – как загадки, и нам надо было их разгадать. Благодаря таким заданиям, мы очень много интересного увидели на улицах города, обратили внимание на то, на что никогда не обращали. По ходу зашли в кафе «Блинное» и поели блинов с разными начинками. Задание нам очень понравилось. Нам кажется, что его можно использовать и у нас в каких-нибудь мероприятиях. Ребятам будет интересно.

Самое запомнившееся событие – это экскурсия на студию телевидения, где снимается передача «Утро с Губернией». На этой экскурсии мы узнали много интересного, нового о закулисной жизни телеведущих. Весь интерьер студии сделан по специальному заказу. Этот интерьер считается одним из лучших в России. Кроме того, в этой студии применяются самые современные технологии. Например, двусторонняя программа позволяет снимать ведущих, а затем в специальной программе менять фон. На столах у ведущих программы «Вести» есть специальные экраны, в которых они видят своё изображение. Нам было очень приятно познакомиться с телеведущей Валентиной Олексеенко. Она рассказала о своей работе. На первом краевом канале она работает уже семь лет. Работа ей очень нравится, она не замечает трудностей, всегда в хорошем настроении и с улыбкой на лице. Её программа пользуется популярностью. Ключищев Виталий Фёдорович показал комнату звукозаписи и рассказал о всех секретах съёмки. Вова Гузенко и Сергеев Марк, участники нашей команды, очень близко познакомились с гидом Ключищевым Виталием Фёдоровичем, который дал им несколько полезных советов по монтажу фильмов. Нам очень понравилось, мы получили огромную массу впечатлений! Никогда не думали, что побываем в таком месте!

номинация

«УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ»

Анастасия ПОПКОВА
школа № 57, г. Владивосток

*Встаньте, сосны векового бора!
Встаньте, распрямитесь, стебли трав!
Встаньте, все цветы!... И встаньте, горы,
Небо на плечах своих подняв!
Встаньте все и выслушайте стоя
Сохраненное во всей красе
Слово это – древнее, святое!
Распрямитесь! Встаньте!..*

Проникновенные, от души идущие, ни с чем не сравнимые строки Расула Гамзатова, посвященные матери, смело отнесем к учителю. Часто говорят, что первая учительница – вторая мать.

О вы! Ромашковые луга! Душистые земляничные поляны! Неторопливый ручей в овраге и склонившаяся над тобой плакучая ива!

По-настоящему любить вас, вашу красоту, слушать и слышать, о чем вы ведете беседу, ценить вас и все живое вокруг научила меня моя первая учительница. Она научила меня ценить труд сельских жителей, любить их обветренные загорелые лица и натруженные руки, украшенные частой сеточкой выпуклых вен.

Третий (он же последний) день начался с ожидания поездки на горнолыжную базу «Дерсу». Добирались целый час на автобусе. На базе нас встретили высокие горки, а также каток. Из всех нас самыми смелыми оказались только я и Виктория Викторовна. Мы в первый раз встали на коньки! Виктория Викторовна постояла на них пять минут, и ей хватило, при этом она ещё мило улыбалась, а я почти научилась кататься. Несмотря на то, что очень часто падала, смеялась и веселилась от души с девочками из другой команды. А вот на сноубордах, лыжах и тьюбингах так никто из нас и не рискнул прокатиться.

В течение всего конкурса мы заполняли *блог*. *Блог* – это электронный дневник. Мы его вели в Интернете и во время очного тура тоже. Туда мы записывали всё, что происходило с нами, наши впечатления о заданиях, вставляли фотографии и многое другое.

Вот и наступил момент расставания. Мы провели в Хабаровске всего три дня, но успели привыкнуть к тем, кто нам помогал, к новой обстановке, обрели новых друзей.

«Цифровые каникулы» – это конкурс, позволяющий проявить себя с разных сторон, это огромная возможность многому научиться, познакомиться с новыми ребятами. Он помогает ставить определённую цель (а именно – победить!), учить, как добиваться этой цели, помогает развиваться, не стоять на месте, а идти вперёд и вперёд!

...Вот такие интересные события происходят с нашими ребятами в их школьной жизни. Хотелось бы призвать всех учеников участвовать в различных конкурсах через Интернет. Благодаря ему, можно реализовать свои способности в самых разных областях, научиться новому, приобрести друзей, рассказать о себе...

Она научила меня любить школу, уважать и беречь тех, кто дает нам знания.

Всем, что я знаю, умею и люблю, всем, что есть во мне хорошего, я обязана своей первой учительнице.

Мудрая, неумолимая, строгая и ласковая, она помогла и помогает побеждать усталость и невзгоды, разделяет со мной печали и радости.

Как я люблю открывать ей свои маленькие секреты, слушать тишину у раскрытого окна в теплый летний вечер! И все делать вместе с ней!

Ведь это моя бабушка!

Мы очень любим ездить летом на её малую родину – в Нижегородскую область. Там она начала свою педагогическую деятельность в неполных семнадцать лет, сразу после окончания средней школы.

Бабушкин дом стоит почти на самом краю деревни, чистыми окнами блестит, а под окном тоненькая черемушка приветливо прохожим кланяется.

Немного отдохнув от долгого путешествия из Владивостока, мы отправляемся по нашим любимым местам.

Я сбегая с высокого крыльца, беру бабушку за руку, и мы идем с ней вдоль деревни. Знакомые, а знакомых – все деревни в округе, тепло здороваются, многие останавливаются, разговор заводят.

Вот мы вышли за околицу. Сколько раз за шестьдесят пять лет хаживала бабушка по этой темной ниточке тропинки! Вот и полянка, пестреющая ромашками, колокольчиками и розовым клевером. Над ними мелькают бабочки, шмели, пчелы, перелетая с цветка на цветок, – и весь луг будто шевелится, приветствуя нас. Бабушка любит приходить сюда, вспоминать прошлое. Этот уголок ей очень дорог. Так много связано с ним, с этой березовой рощей! Сюда она прихо-

дила со своими ребятами. Здесь проводила классные часы и даже уроки английского языка. Рядом протекает речка, на берегу которой жгли костер, пели песни, мечтали о будущем. А вот здесь был гараж, где во время жатвы в обеденный перерыв её ученики устраивали концерты художественной самодеятельности для работников совхоза.

Вы когда-нибудь ловили первые лучики солнца? Нет?

А один из бабушкиных бывших учеников рассказывал о том, как они это делали. Бабушка часто водила их в походы с ночевкой. Однажды звуки горна подняли ребят в 4 часа утра.

номинация

«УЧИТЕЛЬ — ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Дария КОНОВА,

школа № 14, г. Владивосток

Позади у меня уже семь школьных лет. И время так стремительно мчится, что совсем скоро окажусь перед выбором: кем быть?. Сейчас нас опекают родители, они обожают нас. Заботливо, любовно «выращивают», воспитывают, а то и нянчат учителя. В школе много разных предметов — трудных и не очень, интересных и таких, на которые идёшь боязливо. И учителя тоже разные: строгие и добрые, весёлые и серьёзные. Нашему восьмому классу повезло, потому что все, кто нас учат, — поистине самые талантливые преподаватели. Хорошо, что есть такая возможность — в Год учителя рассказать об одном из них.

«О, сколько нам открытий чудных готовит просвещение дух...» Я думаю, что так можно сказать о каждом уроке русского языка и литературы, поскольку мы не просто изучаем материал, а действительно делаем открытия. Представьте, как на уроке русского языка мы учились «брать» интервью. Это ведь не набор отдельных вопросов, не связанных друг с другом. Нужно так подобрать вопросы, чтобы впечатление о собеседнике было полным, а интервью не стало скучным. Наша Елена Владимировна предложила себя в качестве респондента, правда, она дала нам немного времени, чтобы мы продумали вопросы. Самое интересное было тогда, когда учительница отвечала на них, причём ответы были правдивые, она не заигрывала с нами и в то же время с юмором, эмоционально, просто и по-умному реагировала на наши вопросы. Мы узнали, что учителем русского языка стала случайно: к моменту окончания школы не представляла, кем быть. Нравилась ей математика. Многие девчонки подражали учителям, «играли в школу». Она же видела себя только учителем математики. Насмотревшись фильмов, хотела стать следователем, нравилась работа врачей — словом, точного представления о будущей профессии не имела, а потому поступила на... инженерно-строительный факультет ДВПИ. А потом вдруг ушла учиться в ДВГУ и закончила филологический факультет. В течение года работала учительницей в сельской школе. Каково же было наше удивление, когда мы узнали,

По холодной от утренней росы траве шли они навстречу солнцу, которое ещё не показалось над горизонтом. Только светлая полоска понемногу увеличивалась. А когда показался краешек солнца, все остановились и смотрели долго и заворуженно, как оно медленно поднимается, чувствовали, что становится теплее. Невольно их руки потянулись навстречу первым лучикам. Неизгладимое впечатление от всего, что они наблюдали в то утро, осталось на всю жизнь.

Как солнце дарит нам свои лучи, так моя бабушка отдавала и отдаёт своим ученикам и мне свои знания.

что в нашем классе учится внучка первого директора той школы, в которой Елена Владимировна начала работать учителем. Вот уж мир тесен!

Мы удивлялись, что Елене Владимировне приходилось вести английский язык, физкультуру и даже зоологию, когда заболел учитель. Деревенские дети учили её ходить на лыжах! После уроков ребята вместе со своей учительницей ходили на речку на рыбалку. Как-то забыли дома соль — ну никто не взял. Учительница решила на чьём-то велосипеде съездить домой за солью (она жила ближе всех). Дети сказали, в каком месте можно переезжать реку, Елена Владимировна разогналась в надежде, что быстро пересечёт её и... вместе с велосипедом ушла под воду. Когда она вернулась с солью, никто не заметил, что на ней была уже другая одежда...

Таких историй у нашей учительницы немало. Вот и теперь она часто со своим классом выезжает на экскурсии по краю. Мы видели фотографии, где дети, такие счастливые и довольные, с ладошки кормили страусов или лежали на морском песочке, как тюлени.

Тридцать первый учебный год Елена Владимировна работает в нашей школе. Она не изменила своей профессии. В течение 18 лет работала завучем, за свой труд удостоена звания «Заслуженный учитель РФ». Много лет она учит будущих учителей — студентов ДВГУ методике преподавания. У нас тоже были студенты-практиканты. При кажущейся внешней строгости она на самом деле добрый, мягкий, весёлый учитель. Скучно на уроках не бывает никогда. Она увлечена сама, и это увлечение предметом передаётся нам. Уроки у нас всегда проходят незаметно, ведь каждый ученик занят делом. Даже непоседливый Влад всегда очень умело работает со словарём и быстро находит значение нужного слова, как будто бы он архивариус. Мы его так и зовём. И при этом он гордится и важничает! На уроках часто происходят забавные истории. Однажды Денис позволил себе вздремнуть на уроке, так как допоздна просидел у компьютера. Он так сладенько дремал, положив голову на руки, что учительница стала говорить шёпотом. Класс расхохотался, а Дениска продолжал дремать. Тогда Елена Владимировна на ходу придумала рэп, что вызвало такой громкий смех, от которого Денис очнулся.

Комильфо — это норма её жизни. Поэтому Елена Владимировна стремится, чтобы правила приличия соблюдали и её воспитанники. Я уверена, что, вспоминая чудесные школьные годы, каждый из нашего класса с гордостью будет говорить, что он учился в 14-й школе. И если в школе есть такие учителя, как Мокрушина Елена Владимировна, то школа будет жить и в 21-м веке, и всегда!

ПАМЯТИ ПАТРИАРХА СЕРБСКОГО ПАВЛА

Родион ЧАСОВНИКОВ

15 ноября 2009 года скончался величайший православный иерарх, человек святой жизни, архипастырь с непререкаемым авторитетом – Сербский Патриарх Павел. Несколько лет назад, Божией милостью, мне довелось общаться с ним в Белграде, в его скромной резиденции. Ранее мне приходилось встречаться со многими архипастырями и некоторыми предстоятелями церквей. Но беседа с Патриархом Павлом не была похожа на эти встречи. Скорее, это была встреча с благодатным старцем. И дело не в отсутствии помпезности, свиты, протокольной предсказуемости или властности. Дело в атмосфере трепетной, какой-то неотмирной глубины, серьезности и проникновенности. Словно для него не было ничего неважного в духовном, небесном смысле, словно только этот смысл и волновал его сердце непрерывно.

Многие сербы, с которыми я виделся и в Белграде, и в Москве, называли его не иначе, как «живой святой». Так звали его не только православные, но и католики, и мусульмане.

До сих пор люди вспоминают о том, как Патриарх Павел пешком приходил на богослужение в храм, как перешивал своими руками свою потрепанную одежду, чинил свои старые ботинки, выходил с народом на мост, чтобы защитить его от американской бомбы. Он выступал публично нечасто, но, если он говорил что-то своим тихим голосом, его слышали все.

Сегодня, в день памяти о его блаженной кончине, хочется вновь задуматься о нашем православном славянском единстве, о деятельном единении, для которого многое сделал приснопамятный святой.

Историческая судьба Сербии и Сербской Православной Церкви неразрывно связана с историей России и Русской Православной Церкви. Сербские подвижники жили в русских монастырях и общались с русскими святыми. Многие священники и епископы Сербии учились в российских духовных школах. Окончательному утверждению христианства у сербов, как и у нас, способствовала деятельность свв. Кирилла и Мефодия. Сербская Церковь и Сербская земля не раз подвергались разграблению и насилию – то с Запада, то с Востока. Один из сербских священников, присутствовавший на нашей

На снимке:
Патриарх Сербский Павел и Родион Часовников.

встрече с Патриархом Павлом грустно подметил: «Мы построили дом на дороге. Запад идет на Восток или Восток на Запад – мы всегда будем виноваты...»

Но за столетия войн и тягот православные сербы явили мужество и христианский исповеднический дух, обороняя свои святыни, сохраняя веру, восставая из пепла.

Судьбы Русской и Сербской Православных Церквей в двадцатом веке во многом схожи. Во время второй мировой войны Православная Церковь переживала великие гонения на всей территории оккупированной Югославии. Особенно тяжелым было положение Сербской Церкви в новообразованном Независимом Хорватском государстве (НДХ), где были разрушены и осквернены сотни храмов и монастырей. Сотни православных священников были убиты, отправлены в концентрационные лагеря и изгнаны с родных мест вместе со своей паствой. Часто православных христиан насильственно пытались обратить в католичество. Известно, что хорваты предлагали сербам перекреститься перед смертью, дабы убедиться, что убивают именно православного серба.

После войны и прихода коммунистов страдания Сербской Церкви не прекратились. Епископы и священники подвергались заключению на продолжи-

тельные сроки без суда и следствия. Сотни священников были убиты. Так же, как в Советской России, государство грубо вмешивалось в жизнь Церкви. Конечно, мера вмешательства была не столь тотальной, как в России, однако в Сербии было прекращено преподавание Закона Божия в школах, финансовые средства на содержание священников, находящихся на покое, перешли в собственность Министерства труда. Священнослужители были лишены социальной защиты. Законом об аграрной реформе у Церкви было отнято 70000 гектаров обрабатываемых земель и лесных угодий, национализировано более тысячи церковных зданий, отобрачено большое количество епископских резиденций. Но еще страшней было разрушение монастырей и храмов. В Южной Сербии епископам было запрещено возвращаться на свои кафедры, а священникам на приходы, в связи с чем в этих районах долго не могла наладиться нормальная церковная жизнь.

1 декабря 1990 года новым предстоятелем Сербской Церкви был выбран епископ Рашко-Призренский Павел. Его правление совпало с новыми испытаниями – со временем спровоцированного Западом кровавого распада Югославии, когда сербский народ вместе со своими епископами и священниками был изгнан из многих районов Хорватии, Боснии и Герцеговины. В зоне военных действий находились десять епархий Сербской Церкви. Вновь началось разрушение сербских храмов и монастырей, уничтожение православных святынь. К этому прибавились страдания Сербской Православной Церкви в Косово и Метохии, особенно после начала агрессии НАТО и размещения на этих территориях международных сил. По официальным данным, с июня 1999 года по настоящий день уничтожено и осквернено свыше ста храмов и монастырей.

Одновременно во многих епархиях СПЦ происходит возрождение и оживление церковной жизни. За последние годы было построено значительное число новых храмов и других церковных зданий, основано несколько новых епархий. Возобновили свою работу духовные учебные заведения. Постепенно восстанавливается церковная жизнь в разоренных войной епархиях. Знаменательным событием стало строительство (на народные пожертвования) в Белграде самого большого в Европе православного храма – собора святого Саввы. К середине двухтысячных годов в СПЦ насчитывалось более 3500 приходов и 204 монастыря. По современной статистике, 85% населения Сербии исповедуют Православие.

После распада Югославии Запад непрерывно осуществляет попытки расчленив Сербскую Православную Церковь на несколько национальных автокефальных церквей. Прежде всего, речь идет об отделившейся от Сербского Патриархата «Македонской церкви», самопровозглашенной в 1967 году. Ее автокефалия не признается ни одной

Православной Церковью и именуется как «македонский раскол». В 1993 году появилась самопровозглашенная «Черногорская церковь». Аналитики не исключают появление еще нескольких карликовых самозванных «Церквей» на территории бывшей Югославии. Как известно, после распада Советского Союза с такой же проблемой столкнулась и Русская Православная Церковь. На Украине двадцать лет предпринимаются агрессивные попытки создания самопровозглашенной раскольнической автокефальной «Украинской церкви». Подобные процессы происходят и в Белоруссии, и даже в Молдавии.

В Македонии, как и на Украине были случаи захвата храмов раскольниками, причем осуществлялось это силами местных государственных властей, как правило, антиславянских и прозападных.

Ныне почивший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II неоднократно высказывал готовность оказать поддержку Сербской Церкви в разрешении проблем с самопровозглашенной Македонской церковью и прикладывал усилия к преодолению раскола. Патриарх Павел, в свою очередь, 9 мая 2006 г. обратился к делегатам IV Всезарубежного собора с призывом о воссоединении «всех русских православных христиан в лоне Матери-Церкви Московской и Всероссийской». Как отмечал митрополит Черногорский и Приморский Амфилохий, «Сербская Православная Церковь, предоставившая в 1920-х годах приют сотням тысяч русских беженцев, никогда не прерывала связей «как с гонимой и страждущей Московской патриархией, так и с российским церковным зарубежьем, временно прекратившим евхаристическое общение с Церковью в России».

Говоря о необходимости воссоединения двух частей Русской Православной Церкви, Патриарх Сербский Павел однажды заявил, что «в этом единстве заключается подлинное будущее всего мира».

Так наши Церкви содействовали воссоединению каждой из них, следуя многовековой истории настоящего братства, христианской любви между нашими Церквями и нашими народами, любви, многократно преодолевавшей не только тяжкие испытания, но и сладкие соблазны. И судьбы наши всегда переплетались и были удивительно близки.

Знаменательно в связи с этим следующее современное нам обстоятельство.

Патриарх Павел стал предстоятелем Сербской Церкви в 1990 году, а почил – 15 ноября 2009 года. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II восшел на Патриарший Престол в 1991 году. Его дни завершились – 5 декабря 2008 года. Каждого из них с великой скорбью провожала своя страна. Так, на похоронах Патриарха Павла собралось около двухсот тысяч человек.

Их управление Церквями-сестрами пришлось на один и тот же период. Одним из первых шагов Патриарха Павла стало воссоединение американской

и канадской ветвей Сербской Церкви. Одним из последних свершений Патриарха Алексия стало воссоединение Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Русской Православной Церкви за рубежом.

Каждый из них возвышал голос против беззаконий мира сего. Каждый из них обладал высоким нравственным авторитетом не только для своей паствы, но и для светского и инославного народа. Оба Первоиерарха восстанавливали церковную жизнь после атеистического плена, многократно увеличивая присутствие Церкви на своей канонической территории. С их кончиной сменилась эпоха. Сегодня – новые вызовы внешнего мира. Сегодня у наших Церквей новые иерархи, с каждым из которых православные связывают новые надежды – на обновление, динамичное развитие, укрепление влияния Церкви, способность противостоять натиску беззаконий, эгоизма, суеты и безверия.

Говоря о сходстве, нужно упомянуть и о сегодняшних отличиях в нашей жизни. Нельзя не заметить, что в Сербии намного органичнее сохранилось православно-христианское начало народной жизни. Там, несмотря на западное и восточное влияние, на войны, преследования и десятилетия социализма, не удалось вытравить религиозность из бытовых устоев народа. Церковь осталась естественным содержанием и наполнением повседневной реальности. Религиозные праздники – это значимые события в жизни всей Сербии. Однажды я приехал в Белград в день памяти святителя Николая Чудотворца. Город был почти пуст. Оказывается, из-за почитания святителя Николая Чудотворца и святителя Николая Сербского большинство населения – в гостях у именинников – Николаев, а на следующий день – ответные семейные визиты.

Удивила простота и аскетический образ монастырей, храмов и жизни духовенства. Утварь – лишь самая необходимая. В церковной лавке (даже в соборе святого Саввы) – минимум предметов: свечи, несколько видов икон, Евангелие, несколько брошюр. Это отвечает и всему ритму сербской жизни. Магазины закрываются рано, развлекательных заведений немного, в воскресный день – почти все закрыто, а народ прогуливается без стремления к потреблению.

Но на фоне этой скромности, а порой бедности – чувство ответственности и призванности, осознание того, что вокруг находятся силы, враждебные православию, осознание себя воинами Христовыми. Это дает сербам мощный исповеднический заряд, готовность принимать страдания за сохранение своего первородства. Это видно из их отношения к войнам, бомбежкам, преследованиям. Конечно, общество неоднородно, и есть те, кому западный «беспроblemный» образ жизни представляется привлекательным, но таких не большинство. Большинство же по-прежнему с открытым сердцем и надеждой смотрит на Россию.

И еще одно. Столь бережного сохранения могил, памятных мест, мемориалов мне нигде больше не приходилось встречать. И сербы с детства знают, что и почему они хранят. Будь это благодарность подвигу своих предков или русских освободителей, память о победах или поражениях. Все это трепетно сберегается и воспринимается как дар Божий, как Его милость.

Вечная память блаженно почившему Патриарху Сербскому Павлу!

Многая лета нашим братьям – православным сербам!

И ОСЕНЬЮ БЫВАЮТ ЧУДЕСА

Ольга родилась, живет и работает в г. Бресте (Республика Беларусь).
Окончила филологический факультет Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. С 2004 года – зам. ответственного секретаря брестской областной общественно-политической газеты «Заря».
Член Союза журналистов РБ.

Ольга РОЛИЧ,
г. Брест, Белоруссия

И ОСТАНУСЬ НЕРАЗГАДАННОЙ

Растворюсь в тебе
 утренней негой...
Улыбнусь тебе
 солнечным зайкой...
Вензелями пушистого снега
Лягу под ноги тонкой китайкой...

Ароматом цветочного ладана
Заплетусь с ветерком
 в твои волосы...
И останусь в тебе
 неразгаданной...

Тихим эхом
 замёрзшего голоса...

ВЕСНА БЕЗ ШОПЕНА

Снова дождливый май...
 И промокшие липы
Освобождают капли
 из робкого плена.
Вечер. Кафе.
 И опять одинокая скрипка
Тихо вальсирует
 светлую грусть Шопена.

И абсолютно чужие глаза
 напротив
В сердце ворвутся –
 взорвут аппассионато!..
Горечь разлук
 Время
 всё-таки облагородит.
Жаль, но и этой весны
 нам с тобой не надо...

★ ★ ★

Смирилась:
 больше нечего терять...
Всё, что любила – отпускаю...
 Пусть
Несётся к звёздам!
 Мне ли укорять
Тебя, моя невыпитая грусть...

У колоколенки опустится устало
Мой добрый Ангел,
 всех потерь свидетель...
Всё, что с избытком
 на земле застала
И отреклась –
 вменит мне в добродетель.

Теперь и плакать можно
 налегке...
И зимний воздух
 слаще фимиама...
Его прикосновение к руке
Пробьёт, как ток,
 исторгнув из обмана.

И буду молчаливо принимать
Отсутствие тебя...
 Простишь ли слабость,
Что научилась между строк
 читать
Тебя, моя нечаянная радость...

Смирилась...
 Больше нечего терять...
Всё, что любила – отпускаю...
 с Богом!
Сумей, родной,
 себя не растерять...
И не суди мою любовь...
 так строго.

★ ★ ★

Не спрашивай,
 как без тебя жила...
И миллионы лет –
 ничто в сравненье
С одним глотком осеннего тепла,
Дарующего радость
 пробужденья.

Не спрашивай,
 под светом чьих комет
Я, спотыкаясь, падала,
 блуждала...
Как хорошо, что я не опоздала
К тебе на встречу...
 через столько лет.

И осенью бывают чудеса!
И осенью взлетают
 в небо птицы!
Не спрашивай,
 как без тебя жила...
Пусть продолжает мне
 всё это сниться...

ОНА ЛЮБИЛА ДОЖДЬ

Она любила дождь,
Как признак чистоты,
Таинственную грусть
Его скользких звуков.
Она любила дождь –
Побег от суеты,
Где краткой жизни путь –
Сплетенье сложных трюков.

Она любила дождь,
Стремглав летящий вниз,
Прозрачной пеленой
Окутывавший тело.
Она любила дождь...
Причудливый каприз.
...И от судьбы иной
Награды не хотела.

ПРОЛЬЁТСЯ ДОЖДЬ

Прольётся дождь –
 и вспомнишь обо мне.
Подумаешь: она была красива
В желании дождя. И молчаливо
Вплетала жемчуг в волосы...
 Во сне
Еще не раз припомнишь
 терпкий вкус
Вина любви...
 и плач далёкой скрипки...
Весенний дождь...
И в подсознание зыбком –
Слезинки памяти
 в ряду жемчужных бус...

ВСЕМУ И СРОК И МЕРА

Евгений ЛЕБЕДЕВ,
г. Иркутск

★ ★ ★

Ах, Боже мой,
как пахнет этот лес –
Оранжевый, лилово-жёлтый,
красный!..

Здесь как в раю,
что вдруг сошёл с небес
Всего на миг,
короткий и прекрасный.
В нём так легко, свободно,
хорошо,

Так несравнимо
с душным знойным летом.
Оно прошло.

И вот сентябрь пришёл.
И я благодарю Тебя за это.
Ах, Боже мой, какая благодать! –
Ходить, дышать и видеть
эти краски,
И этот чудный запах обонять,
И в Божьем мире жить,
как в доброй сказке.

★ ★ ★

Забыты зимние труды.
Чай выпит, опустела кружка.
Легко касается воды
Умело пущенная «мушка».

И вот рывок из глубины,
Молниеносная подсечка,
В мгновение соединены
И лес, и хариус, и речка!

Идёт упорная борьба,
Тугая леска режет воду...
Я утираю пот со лба,
А хариус избрал свободу.

Ушёл, сверкая серебром,
В холодный омут у порога,
А был хорош, куда с добром! –
Как говорит сосед Серёга.

И вновь вдоль берега реки
Шагаю в поисках удачи,
Новорождённые стихи
В душе, как рыбу в сумке, пряча.

★ ★ ★

Благословляю те места,
Обожествляю те деревья
И ту невзрачную деревню,
Где есть покой и чистота.

Живя в эпоху перемен,
Что отравляют душу смрадом,
Лечусь осенним звездопадом,
Бальзамом прадедовских стен.

Меня спасают те места,
Где есть всему и срок и мера.
Места, где неподкупна Вера,
Где бескорыстна Доброта!

★ ★ ★

Баюкая мелодию стиха,
Стучат колёса старой
электрички,
И вспыхивают рифмы,
словно спички,
И всё на «ха»: ольха, уха, Олха¹.

И там, где между скальников
и мха
Сольются вместе
две реки-сестрички,
Я наберу рубиновой бруснички,
А будет рыба – будет и уха.

Стучат колёса. Старенький вагон
Качается и прыгает на стыках.
Ещё один стремительный разгон –

И вот уже последний перегон...
Внизу река, вся в золоте и бликах,
Бежит за электричкою вдогон.

ОСЕНЬ

Подошла незаметно и тихо,
Рыжей кошкой легла на порог.
Поспевает в садах облепиха,
Вянет донник по кромкам дорог.

¹ Олха – таёжная речка, приток Иркутта, который, в свою очередь, впадает в Ангару.

Повторяется снова и снова,
Происходит опять и опять.
Где найти мне заветное слово?
Как волшебницу-осень назвать?
И какой подобрать мне эпитет,
Чтобы классиков не обокрасть?
Сочетания звуков, продлите
Чудо-осени силу и власть!
Да, любое сравнение хромает.
Будь ты Пушкин, Есенин или Фет,
Здесь бессилье своё понимает
Даже самый великий поэт.
Эти запахи, звуки и краски
Невозможно в словах передать.
Как меняются осени маски,
И какая кругом благодать!
Поспевает в садах облепиха,
Вянет донник по кромкам дорог.
Подойдя незаметно и тихо,
Осень кротко легла на порог.

★ ★ ★

Опять сентябрь-золотоноша
Пришёл на берег Ангары.
И звоном бронзовых горошин
Осыпал школьные дворы.
У школ Глазковского
предместья,
У школ Синюшиной горы,
Собравших снова всех и вместе,
Весёлый говор детворы.
Сияют пышные букеты
Воспоминаний и цветов.
Прощай, промчавшееся лето!
Опять волнуясь, но – готов
Растить достойнейшую смену
Из этих маленьких ребят,
Что на уроках непременно
Вопросами затеребят.
Готов вести дорогой длинной,
Учить любви к родной стране,
Готов рассказывать былинны
О невозвратной старине...
Гореть и не стареть душою,
И жить в своих учениках –
Одной семьёй, семьёй большою,
Что ШКОЛОЙ названа в веках!

НОЧНЫЕ ЛИВНИ ПРОНЕСЛИСЬ

Евгений ЛЕБКОВ

11 января исполняется шесть лет, как не стало **Евгения Дмитриевича ЛЕБКОВА**. К сожалению, при его жизни мне ни разу не удалось встретиться с ним, однако несколько его писем бережно хранятся в моем архиве. Именно Лебков в конце прошлого века поддержал мои робкие литературные начинания, написал рекомендацию в СП.

В канун печальной годовщины, отдавая дань памяти Евгению Дмитриевичу, сотрудники редакции «Литературного меридиана» подготовили подборку его стихотворений.

Владимир Костылев

★ ★ ★

Тепло по-настоящему
Снаружи и в домах,
И нашему, и вашему
Споспешество в делах.
Долгонько было пасмурно,
И северняк гулял,
И разговоры-пасквили
Эфир распространял.
Да и дела хоть делались,
Но – через пень-колоду.
Жрала взаимоненависть
Духовную погоду.
И я, признаться, связывал
Свое неравновесие
С Апрельскими проказами
Деляг из Суебесия.
Быть может, слишком вычурно,
Но все-таки скажу:
«Что вышвырнуть,
то – вышвырнул,
А дальше – погляжу...»

★ ★ ★

В тайге, лугах и возле
Цветов полным-полно,
Тут и вразмах, и в розлив
Цветное полотно.
И ландыш, и фиалки,
И сныть, и чистотел,
И словно полушалки –
Живкость и краснодев.
И пятна красноватых
Болотных бочажков,
И разнороссыпь златок,
И перекряк поршков.
Смотрю на это диво –

И в душу входит мир.
И все печали – мимо!
И явь – с мечтой впритир.
Исчезни, сгинь навеки,
Междулюдской раздрай...
В природу, а не в «чеки»
Свою любовь влагай!

★ ★ ★

Рассвет забрезжил – я и рад:
В несчетный раз увижу солнце,
Ведь только солнцем и богат,
Оно – мой щедрый меценат,
А по-теперешнему – спонсор.
А тридцать шесть
дождливых лет! –
На Сахалине и Курилах?
Обет?
Какой уж там обет!
Куда-нибудь, хоть в белый свет! –
Гудело в жилах.
Да, юность взбалмошно прытка,
Она не ищет, а теряет,
Она не может без прыжка,
Ей не указ ничья башка,
Своей она лишь доверяет.
А солнце светит – как всегда,
А жизнь – табло двоякое...
Недели, месяцы, года...
Куда?
Туда, где «нет» и «да» –
Ничто пред вечной ракою.
Ночные ливни пронеслись,
Посмыли пыль дорожную,
Земля нацелилась на жизнь,
А я – на милость Божию.

★ ★ ★

Я полюбил одиночество,
Странная это любовь –
В самозащитную рощицу
Спрятал себя Е. Лебков.
В рощицу разновозрастных
И разномастных растений,
Колхозных и неколхозных
Миросопоставлений.
В рощицу страха и смелости,
Жесткого бунтосмирения
И колебательной квелости,
Жаждающей озарения.
Придет – не придет, увижу,
Будет – не будет, пойму.
Солнце, лисенок рыжий,
Юркнуло в полутьму.

★ ★ ★

Не хочу ни в какие партии,
Ни в какие синклит-бюро,
Не приемлю
консенсусы-бартеры
И антихристово серебро.
Осветит ли мое простодушие
Тот, Кто волен казнить и прощать,
Тот, Которого только и слушаюсь,
И Которого не с кем сличать?

★ ★ ★

На себя – на кого еще злиться?
Сам наплел золоченых сетей.
А теперь – не желает мириться
С фарисейским порядком вещей.
И такое с ним стало твориться,
Что он бегом бежит от людей.

★ ★ ★

– Как ты живешь?
– Да, говорят, – неплохо.
– А если честно?
– Сам не знаю как.
Да что там я,
Когда сама эпоха
Пошла-поехала
наискосяк.

* * *

Не стелись, душа,
Не подхалимствуй,
Но и гордыне
Воли не давай,
Ни у кого
Таланта не заимствуй
И свой талант
Взаимы не раздавай.

* * *

Какая благодать
и красота в природе!
А мы все недовольны,
все ворчим.
И при себе, и при честном
народе,
При детях, и на сходках
женщин и мужчин.
Мол, все не так, и люди –
как во гробе,
Правители, те вовсе – никуда!
Не думаем, что сами, по утробе,
Такие же причастники стыда.
И слушают нас травы и деревья,
И солнышко, и звезды, и луна.
И удивляется мое
стихотворенье:
«Откуда к нам
вся муть занесена?»
Хотя б березку взять себе
примером:
Растет, не суетится, не спешит,
И попусту растительные нервы
Не тратит и злорадно не шумит.
Всегда и всюду жить бы всем
достойно.
Закон один, и он неотвратим:
Грешно на жизнь
смотреть самоизгойно,
Закон один, и Бог у нас один.

* * *

Как вспомню –
сколько красоты погублено,
Так в душу заплывает мрак.
Что – продано? Своровано?
Подкуплено?
Что – куплено за так?
Одно лишь знаю
крупно и доподлинно,
Что виноват не сам
двадцатый век,
А те пророки дошлые и подлые,
Раствившие понятие «Человек».

* * *

Деревья и зимой прекрасны,
Гляжу на них и понимаю их:
Они и с небом,
и с землей согласны,
И нет у них периодов пустых.
Но не дана такая доля
человекам,
Как говорится, коленкор не тот.
Иду-бреду по бывшим
лесосекам,
В тайге все прибавляется пустот.
Похлопываю ласково кедрину
И чувствую, как под моей рукой
Влажнеет шрам
согретой смолянины,
Напоминая: здесь прошел
разбой.
А крохотные кустики-кедрята
Не тронул, чудом,
тракторный башмак.
Они поднимутся,
и зарастет утрата,
Коль новых не поднимется атак.

* * *

Нельзя землю нам сорить,
И запускать поля негоже.
Российским людям жить и жить,
Но жить хотелось бы построже.
Пока без Латвий и Россией
Планета обойтись не может,
Пока хватает тех «разинь»,
Которым Русь –
как вострый ножик.
И на чужбину рот разинув,
Они теперь уже открыто
Свою затеяли «путину»,
Свою страду на наше жито.
Нельзя землю нам сорить,
Ни даже малым островком.
Конечно, в корень надо зрить!
Ты прав стократ, Козьма Прутков.

* * *

Помню, бабка моя говорила:
«Сохрани и помилуй, Христос,
Миновай нас недобрая сила
В неминуемый год високо.
Миновай нас и холод, и голод,
Злоба гадов, зверей и людей».
Ну и мой подрастающий голос
Подворковывал бабке моей.
Уж ни бабки, ни мамы не стало,
Да и я сединою оброс.
Миновай нас недобрая слава
В неминуемый год високо.

* * *

Мой огород – пока четыре сотки
Землицы на озерном берегу.
Таких, как я, в стране теперь
не сотни,
А миллионы в пенсион-полку.
И все-таки: что надо человеку,
Когда он в самом деле –
человек?
Иди спокойно по любому
штреку,
Пусть даже
это самый мрачный штрек.
И потянулись к почве,
к изначалью
Домишки, хаты, виллы, этажи...
«Земли-то хватит, –
молвлю я с печалью, –
Хватило б только чести и души».
О зависть, вечный враг
и подколодня,
В глазах твоих –
змеиный пересверк,
Но сказано не мной и не сегодня:
Не возжелай насущного поверх.

* * *

Не любить –
Равносильно гибели.
Любить –
И того тяжелей.

Прибыли.
Побыли.
Выбыли.

Люди,
Любите людей!

* * *

Неспроста теперь надежда
В главный вид возведена.
Ведь и в наши дни она
Превращает, как и прежде,
Муху запросто в слона.
Этот фокус всепланетный
Вечно стар и вечно нов.
Он – основа из основ
Всякой правды трафаретной –
Утешенья дураков.

* * *

Прости меня, великий Боже –
За все прощения прошу.
Чего в миру искать негоже,
Того в себе самом ищущу.

МОЙ ДРУЖОК

Вячеслав ПРОТАСОВ,
г. Владивосток

(по книге Билла Джилхэма, рисунки Алана Сноу)

Мы не знакомы? –
очень жаль!
А вот и я!
Красив?
Умыт, причёсан, и медаль
на ленточке висит.

От лампы – тёплый полукруг,
две тени за спиной,
и рядом – самый лучший друг
с лохматой головой.

Вот так сидеть бы день и год,
щекою у плеча,
но бьют часы, и настаёт
разлуки поздний час.

Ему в постель,
мне под кровать.
Ложиться спать пора!
На лапах и не сосчитать,
как много дел
с утра...

Глянет солнце из-за штор,
свистнет с ветки птица –
вывожу гулять во двор
своего любимца.

Через три ступеньки
следом,
обгоняя этажи,
он за мною, непоседа,
вниз по лестнице бежит.

Возле клумбы –
остановка,
возле тополя –
опять!
Я держу в зубах верёвку,
чтоб его не потерять.

Вьются запахи, как осы
в листьях, в спутанной траве.
Так легко здесь,
как здесь просто
закружиться голове!

Знает каждый, знает всякий:
чтоб росла густая шерсть,
человеку и собаке
надо много пить и есть.

За кефиром, за сметаной
и за птичьим молоком
в магазин большой, стеклянный
отправляемся с дружкойм.

Он берёт с изюмом булку,
макароны, колбасу –
всё летит с размаху
в сумку!
Я в зубах её несу.

Сверху две огромных груши
и пушистый абрикос.
...Для моих любимых сушек
места
в сумке
не нашлось!

Шум за дверью, смех весёлый,
и звонок звенит: – Привет! –
Возвращается из школы
мой учёный Архимед.

Он портфель забросит в ванну.
Мячик, яблоко в руке,
на заветную поляну
мчимся рядом налегке.

Первым прыгаю с откоса, –
сверху мяч «сухим листом»!
Отбиваю лапой, носом,
и ушами, и хвостом.

Чуть промедлил...
Эх, обидно! –
мяч в траве, а где – не видно.

– Что ж ты скачешь, как телёнок?!
Вот он, жёлтый на зелёном!

– Ладно, ладно, –
отвечаю, –
Будет осень – отомщу!
Я цветов не различаю...
Я по запахам ищу.

Бывает такая минута,
когда остаёшься один,
и всем ты не нужен как будто,
и лучшее всё позади.

И жалко того, что до срока
ушло, а назад не придёт, –
как будто труба одиноко
в ночном переходе поёт.

...Неласковый вечер на окна
навесил угрюмую мглу.
Ресницы и щёки намокли –
другок мой горюет в углу.

Я с коврика встану в два счёта,
неслышно к нему подойду,
лизну в отсыревшую щёку
и нужное слово найду.

Не будет в полночи солнца
и меньше на полюсе льдин,
но тихо дружок засмеётся
и вспомнит, что он –
не один!

Наспех сложены тетрадки.
Восемь с четвертью уже.
Что у нас по распорядку? –
Время Вилок и Ножей!

Мотылёк под лампой кружит
и заглядывает в рот:
«Что сегодня здесь на ужин?...» –
Королевский Бутерброд!

С ветчиною по-английски,
маслом, сыром «пармезан»,
две воздушные сосиски,
мята, перец австралийский,
майонез и майоран.

Эту дикую картину
завершают, наконец,
две дурацкие маслины
и такой же огурец.

Мой дружок
не принц наследный,
голубых в нем нет кровей.
Говорю: «Всё вместе – вредно!»
Он мне: «Что ещё вкусней?!»

Мотылёк застыл в полёте,
словно в цирке шапито...
Я гадаю: всё проглотит
или мне оставит что?

Ворча, задыхаясь от пыли,
залезу я в спальне под шкаф,
где столько всего в изобилие –
чулок и безногий жираф,

катушка запутанных ниток,
засохший резиновый клей...
Как много на свете забытых
полезных и нужных вещей!

Но вот, наконец-то! – Безделка! –
вы скажете, – не абрикос,
не персик...

Дружку на тарелку
кладу я любимую кость.

Сравнишь её разве
с попкорном?

Хот-дог перед нею –
пустяк.
Дружок возражает упрямно.
Ценю деликатность и такт!

Да ладно, считаем – разминка...
Когда-нибудь снова вдвоём
достанем, смахнём паутинку
и вместе мы кость разгрызём.

Вот и день как будто прожит...
Может, надо было мне
быть с дружком
чуть-чуть поостроже?
Или чуточку нежней?

Я не Спок, не Песталоцци,
я вполне нормальный пёс,
но гляжу – и мне сдаётся,
что он всё-таки подрост.

Глаз да глаз теперь...
вниманье...

Где-то, помню, слышал я –
три кита у воспитанья:
Школа, Улица, Семья.

Но как белое на чёрном,
кроме этих всех китов,
кит особенного сорта,
самый главный кит – четвёртый,
кит по имени Любовь!

*

...Длинный день уходит в сон.
Путь знакомый, путь недалёкий.
Протрубив, въезжаю в спальню,
как большой индийский слон.

Завтра будет день другой,
не навеки расставанье.
Мой дружок всем на прощанье
машет сонною рукой...

НЕ ОКТЯБРЬ ЛИ ТЕБЯ ОСТУДИЛ?

Александр ПЛЕТНЁВ,
г. Омск

★ ★ ★

Если радость покинет вдруг
И надежды обманутся,
Пусть тогда, мой любимый друг,
Твоё сердце отважится:
Уходи, уходи.

Буду долго смотреть вослед.
Муки страха не выражу
И все тяжести горьких бед,
Близко ты – и я выдержу.
Уходи, не жалей.

И когда на краю земли
Даль в глазах заколышется,
И когда уж тобой вдали
Голос мой не услышится –
Закричу, упаду.

1969 г.

★ ★ ★

Года пройдут.
И в пору листопада
С другим ты выйдешь
в рощу или в сад.
«Смотри, – он скажет, –
клены как грустят.
Ты не грусти. Тебе грустить
не надо».

Ты рассмеёшься весело и кротко
И скажешь так же,
как когда-то мне:
«Ах, милый, бабье горе
так коротко,
Давай его сожжём
с листвой в огне».

И аккуратно, тихо, по листочку
Стихи мои в огонь опустишь ты.
Сгорает жизнь. Судьба сгорает.
Точка.
Сгорают в область прошлого
мосты.

То я горю, моя любовь и грусть.
Сгорая, от тебя не отрекусь!

1969 г.

★ ★ ★

Сентябрь меня низверг,
Сентябрь же и возвысил.
Смертельно студит он
и жжёт в огне.
Жизнь заклубилась
мешаниной чисел,
Минут, часов и пожелтевших
дней.

Попробуй-ка теперь
остановиться.
Не это радует уже,
в конце концов.
Но всё теперь: явленья, вещи,
лица –
Через твоё мне видится лицо.

Ты загрустишь,
и загрустится миру.
Ты улыбаешься, – и весело ему.
И сладкой грустью входит он
в квартиру,
Давая пищу сердцу и уму.

Он то старухой видится мне
мрачной,
То женщиной счастливой
новобрачной.

★ ★ ★

Не октябрь ли тебя остудил?
Ты исходишь тоскою всё чаще.
Ты люби меня, слышишь, люби:
Я ещё для тебя не пропащий.

Но в глазах твоих в самой глуби
Светит холод осеннего неба,
Ты люби меня, слышишь, люби!
Невозможного только не требуй.

Если с правдою дружбу иметь,
Мыслить если свободней
и шире –
Без тебя ни смеяться, ни петь
Никогда не смогу в этом мире.

Нет, конечно же, будет и смех,
Будут песни – навыворот душу
Для каких-то, для будущих, тех,
Только правды своей не нарушу.

И когда на последнем краю
Старость будет устраивать
козни,
Лебединую песню спою
Нехорошою осенью поздней...

Час последний и мне протрубит.
В тексте жизни поставлю я точку.
И тогда меня, слышишь, люби
В неуёмных тоскующих
строчках.

★ ★ ★

В такую пору серого
безвременья,
Между зимой и осени концом,
Душа огрузла женщиной
беременной
С притихшим,
ожидаящим лицом.

Живётся тихо.
Спится и не спится.
Шаг осторожно делает нога.
И смутно ждётся:
а чем же разродится
Душа, как только выпадут снега?

Какими они будут, чувства-дети?
Воспримут как они
приход зимы?
Полюбят тихий снежный
сумрак мглы
Иль возликуют
на морозном свете?

Но хочется,
чтоб взнялися лавиной,
Тугой крылами воздух
искромсав
Весёлой, разноцветной,
голубиной,
В студёные до дрожи небеса.

РУССКИЕ ПОЭТЕССЫ

/Окончание. Начало в «ЛитМ» № 14(38), 2010 г./

Анна БАРКОВА
(1901-1976)

Поэтесса уникальной трагической судьбы – Анна Александровна Баркова родилась в многодетной, самой рас­пролетарской семье, сторожа гимназии г. Иванова. Училась в этой же гимназии. Её ранние стихи высоко ценили Блок и Пастернак, а нарком просвещения А. В. Луначарский даже написал восторженное предисловие к её первой книге стихов «Женщина», вышедшей в Москве в 1922 году, поставив её в первый ряд современниц-поэтесс и предсказав ей блестящую поэтическую судьбу. Вскоре она переезжает в столицу и с 1922 по 1924 год живёт в квартире Луначарского в Кремле, работает в секретариате Наркомпроса. К несчастью, сразу же была приобщена к сытым мира сего. А с 1924 по 1929 год работает в газете «Правда». Однако близость к власти сыграла с ней злую шутку. Ей довелось увидеть, как «вместе с народом» делили «тяготы жизни» и наши вожди. Как они «голодовали», хорошо об этом написал политический соратник Ленина Григорий Соломон в своей книге «Вожди». Ничего не зная о книге Соломона, но воочию видя большевистские «лишения», Анна постепенно стала отходить от иллюзий молодости: от веры в плакатную социальную справедливость, за которую Россия заплатила чрезмерно высокую цену – 110 миллионов человеческих жизней, о чём утверждал в своей книге «Современное состояние России» Питирим Сорокин, известный политолог, высланный Лениным в числе прочих на философском пароходе в 1922 г; как преступно-непроизводительно будет растрачен генетический материал самых лучших людей России. Не желая быть марионеткой, жить в золотой или позолоченной клетке, она в 1929 г. переселяется в скромную комнату. Но... в это время в стране идёт костоломная коллективизация, а чтобы погасить недовольство трудового населения, власть большевиков запускает маховик репрессий, внесудебных расправ, а по словам Сталина – идёт «Год Великого перелома». И как итог – перелом станового хребта российской деревни, погром Атлантиды, многовековой русской государственности, растянувшийся на целых шесть десятилетий. После всех этих преобразований, страна лежащая на необъятных географических просторах, навсегда лишится хлебного изобилия, естественных продуктов животноводства: мяса, масла, колбас, перейдёт на потребление эрзац-продуктов, а народ послушно станет проводить время в нескончаемых продовольственных очередях, испытает три волны тотального людоедства. Позволю реплику. *В начале XX века население России составляло 10% от мирового, сегодня – менее 2%.*

Всё пролетарское существо поэтессы бунтует против двойной морали... из душевных глубин вырываются трагические слова прозрения: **«Одно лицо – для посвящённых, / Другое – для наивных масс...»** В истории русской поэзии мне известны только два имени вставших на защиту поверженной страны, её великого народа, в частности – маленького человека, главного поильца и кормильца, – крестьяни-

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток

на. Это Николай Клюев – с поэмой «Погорельщина» и Осип Мандельштам – со стихотворением **«Неправда»: «Я с горячей лучиной вхожу / К шестипалой неправде в избу...»** Так вот, третьим поэтом (поэтом несломленного и мятежно-го духа) была женщина. Это Анна Баркова.

* * *

Где верность какой-то отчизне
И прочность родимых жилищ?
Вот каждый стоит перед жизнью –
Могуч, беспощаден и нищ.

Вспомняем с недоброй улыбкой
Блужданья наивных отцов.
Была роковою ошибкой
Игра дорогих мертвецов.

С покорностью рабскою дружно
Мы вносим кровавый пай,
Затем чтоб построить ненужный
Железобетонный рай.

Живёт за окованной дверью
Во тьме наших странных сердец
Служитель безбожных мистерий,
Великий страдалец и лжец.

1932

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Героям нашего времени
Не двадцать, не тридцать лет.
Тем не выдержать нашего бремени,
Нет!

Мы герои, веку ровесники,
Совпадают у нас шаги.
Мы жертвы, и провозвестники,
И союзники, и враги.
.....
.....

Мы испробовали нагайки
Староверских казацких полков
И тюремные грызли пайки
У расчётливых большевиков.

Трепетали, завидя ромбы
И петлиц малиновый цвет,
От немецкой прятались бомбы,
На допросах твердили «нет».

Мы всё видели, так мы выжили,
Биты, стреляны, закалены,
Нашей родины, злой и униженной,
Злые дочери и сыны.

* * *

Я голос хриплый и грубый –
Ни сладко шептать, ни петь.
Немножко синие губы,
Морщин причудливых сеть.

А тело? Кожа да кости.
Прижмусь – могу ушибить.
А всё же – сомненья бросьте,
Всё это можно любить.

Как любят острую водку –
Противно – но жжёт огнём,
Сжигает мозги и глотку
И делает смерда царём.

Как любят корку гнилую
В голодный чудовищный год, –
Так любят меня и целуют
Мой синий и чёрствый рот.

1954 г. Коми АССР, Абезь

* * *

Загон для человеческой скотины,
Сюда вошёл – не торопись назад.
Здесь комнат нет. Убогие кабины.
На нарах бирки. На плечах – бушлат.

И воровская судорога встречи,
Случайной встречи, где-то там, в сенях.
Без слова, без любви. К чему здесь речи?
Осудит лишь скопец или монах.

На вахте есть кабина для свиданий,
С циничной шуткой ставят там кровать:
Здесь арестантке, бедному созданию,
Позволено с законным мужем спать.

Страна святого пафоса и стройки,
Возможно ли страшней и проще пасть –
Возможно ли на этой подлой койке
Растлить навек супружескую страсть!
Под хохот, улюлюканье и свисты,
По разрешенью злого подлеца...
Нет, лучше, лучше откровенный выстрел,
Так честно пробивающий сердца.

1955

Нерастрченная плоть женщины бунтует, поэтесса страстно жаждет любви, хочет иметь дом, мужа, семью, детей. Но всё это земное счастье – не про неё. Надо ли объяснять, что стихи лагерные. Написаны они уже после смерти двух самых главных и лютых людоедов – Сталина и Берии. А за спиной – двенадцатилетний опыт следственных пыток, камер, пересыльных тюрем, каторжного труда, этапов, унижений, наконец, освобождения и – повторного суда. С разной силой творческого подвига и таланта рассказали о своём опыте лагерной одиссеи Евгения Гинзбург, Екатерина Глинка, Екатерина Гринивецкая, Елена Владимировна, Ольга Адамова-Слиозберг, Нина Гаген-Торн, Наталья Горбаневская. Но ни одна из них не сумела рассказать с такой трагической силой о физиологических страданиях молодого тела, жаждущего тепла, любви, семьи. Попад под кировский «призыв» (после убийства Кирова, прокатившегося вала внесудебных расправ) и отбыв свою первую пятилетку (из 23 лет!), с 1934 по 1939 в Казахстане, следующие 8 лет под административным надзором в Калуге.

А в 1947 году вторично попадает в поле зрения прославленных «Органов». Дают стандартную 58 статью и увозят в ещё более суровые – воркутинские лагеря. Все лагерные годы она спасалась поэзией корифеев серебряного века, стихи которых могла часами цитировать сокамерницам наизусть, часто вызываясь повторяя: «Меня посадили не по ошибке!» В отличие от многих других, слабая (сорокакилограммовая) женщина была примером более сильным подругам. В этот период ею написано более 160 стихотворений и две поэмы! В этой духовной работе и было спасение. Её знаниям и памяти могли бы позавидовать столичные литературоведы. И вот наконец спасительная весть – смерть Сталина, и следом, ещё более оглушительная: расстрел верного его соратника – Берии.

Но, оказывается, антисоветчиков Система освобождать не спешит. Страна затаилась в ожидании отмены крепостного права, роспуска колхозов, долгожданной воли. И лишь в марте 1956 года её выпускают из зверинца. Многих амнистируют. Только не её. Судебные и надзорные инстанции дело долго мытарят, волокитят заявления, отфутболивают прошения. Но её, по счастью, помнят авторитетные писатели, о ней много говорят в литературных кругах, наконец, за неё ходатайствует секретариат правления Союза писателей.

Освободили её после XX съезда КПСС, и только в ноябре 1957 года она была реабилитирована, но всего *через несколько дней* – снова арестовали. За что? За антисоветскую деятельность!.. Дело в том, что, спрятавшись в поселковой глуши Ворошиловградской области, она (за тридцать лет предвосхищая события наших дней) лихорадочно создаёт одно за другим свои прозаические произведения. Среди них – антиутопию – предупреждение грядущим поколениям, главный вывод которых: «Духовно вы все мертвецы». В другой антиутопии она почти калькирует события нашего времени – заговор опричников-демократов, либерального пошиба чиновников, **революцию сверху** и её (столь хорошо знакомый нам) результат. Вывод литературоведов в хромовых сапогах однозначен: «Все рукописи Барковой имеют антисоветское содержание...» В результате – 10 лет лагерей. Последнее освобождение состоится лишь через 8 лет, в 1965 году. Вот стихи, ставящие в позицию фехтовальщика, решившего дать решительный бой, намечающего перейти свой Рубикон, свою Непрядву:

ОТНОШУСЬ К ЛИТЕРАТУРЕ СУХО

Отношусь к литературе сухо,
С ВАППом православным не дружу
И поддержку горестному духу
В Анатоле Франсе нахожу.

Боги жаждут... Будем терпеливо
Ждать, пока насытятся они.
Беспощадно топчут ветвь оливы
Красные до крови наши дни.
Всё пройдёт. Разбитое корыто
Пред собой увидим мы опять.
Может быть, случайно будем сыты,
Может быть, придётся голодать.

Угостили нас пустым орешком.
Погибали мы за явный вздор.

.....

Эти провидческие строки были написаны в мае 1931 года. «Угостили нас пустым орешком...», «Разбитое корыто пред собой...» Вот что значит поэт орлиного зрения и горного

слова. Вот когда она предвидела финиш, пустой орешек наших дней.

А вот стихотворение «Рифмы»:

«Печален», «идеален», «спален» –
Мусолит всяк до тошноты,
Теперь мы звучной рифмой «Сталин»
Зажмём критические рты.
.....
.....
С воздушной пленницей
Клетку давно швырнули мы за дверь.
Но эту «клетку» «пятилетка»
Вновь возвратила нам теперь.

1931 г.

За регулярное словоблудие и бесстыдное славословие
Власти записные борзописцы всегда сыты, обласканы и
награждены всеми мыслимыми правительственными на-
градками. А за то, что поэт горного слова остаётся в стане
угнетённых, сочувствует его бедам, своим словом борется
за лучшую его долю, то по людоедским законам – должен
быть непременно ошельмован, наказан, раздавлен. Се-
годняшние адвокаты Системы говорят: а как было терпеть
такие стихи? *И батоги впору – по делам вору!* Это только в
тоталитарном обществе поэт награждается остракизмом,
железной клеткой да бетонным мешком. Да ещё посмертно
славой, если чудом останутся строки.

Как дух наш горестный живуч,
А сердце жадное лукаво!
Поэзии звенящий ключ
Пробьётся в глубине канавы.

В каком-то нищенском краю
Цинги, болот, оград колючих
Люблю и о любви пою
Одну из песен самых лучших.

2 августа 1955 г.

А вот что клокочет в недрах искалеченного существа.
Протуберанцем на волю прорывается сама откровенность,
нерастратенная сила чувств, женской любви, интеллекту-
альные и душевные резервы тела многолетней затворницы:

Да, я смешна, невзрачна,
Нелепы жест и речь,
Но сердце жаждет мрачно
Обжечься и зажечь.

1973

ТОСКА ТАТАРСКАЯ

Волжская тоска моя, татарская,
Давняя и древняя тоска,
Доля моя нищая и царская,
Степь, ковыль, бегущие века.

По солёной казахстанской степи
Шла я с неприкрытой головой.
Жаждающей травы предсмертный лепет,
Ветра и волков угрюмый вой...

Это о лагерных этапах.

РОССИЙСКАЯ ТОСКА

Хмельная, потогонная,
Ты нам опять близка,
Широкая, бездонная
Российская тоска.

Мы строили и рушили,
Как малое дитя.
И в карты, в наши души
Сам чёрт играл шутя.

Нет, мы не Божьи дети,
И нас не пустят в рай,
Готовят на том свете
Для нас большой сарай.

Там нары кривобокие,
Не в лад с доской доска,
И там нас ждёт широкая
Российская тоска.

13-14 декабря 1974 г.

Вот такие стихи пишет поэтесса за полтора года до смерти
и за 15 лет до посмертного признания.

Екатерина ГРИНИВЕЦКАЯ

(1908-1997)

Екатерина Гринивецкая – рядовая жертва террора. Вме-
сте с мужем Леонидом Вегенером прошла свои лагерные
университеты, оба дожили до времён иных, оба оставили
лагерные воспоминания, а Екатерина ещё и стихи:

ОДНИ

Слышу гул приборя дальний,
Заглушённый гул трубы –
Звук могучий, звук печальный,
Зов скитальческой трубы.
Чаек реющие крики
Рвут редующий туман,
Дышит светлый и великий,
Тихий, синий океан.
Не горюй, моя родная,
Кара*, не жалея меня,
Я – пустая запятая
В трудной книжке бытия.

Владивостокский пересыльный пункт, 1938

.....

* Кара – шутовское прозвище автора

1938 год – самый трагически-беспощадный: именно в
этот период начальником Дальстроя садистом Гараниным
проводились почти ежедневные массовые расстрелы узни-
ков, о чём свидетельствуют многие мемуаристы, например
Георгий Жжёнов, Варлам Шаламов, Евгения Гинзбург (мать
замечательного прозаика, одного из участников и созда-
телей неподцензурного «Метрополя» Василия Аксёнова) и
другие страстотерпцы. В некоторых лагерях к весне следу-
ющего года оставалось по 15-20 чудом уцелевших несчаст-
ных. К чему здесь печи Освенцима?! Производительность
колымских морозов и волчьих челюстей была намного рен-
табельней.

* * *

Горы, погружённые
В тишину и мох,
Кустарники сожжённые
Корчатся у ног.
У корневища стынет
Глухой болотный ключ.
Над северной пустыней
Неслышный бродит луч.
Так глухонемая
Природа Колымы
Нас слепо обнимает,
И ей подвластны мы.

Аркагалинский перевал, сентябрь 1938 г.

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ

1936 – ...

Поэтесса, женщина героической судьбы, прошедшая все круги ада психиатрических клиник, в августе 1968 г. вышедшая на Красную площадь защищать социализм с человеческим лицом, который (в дружественной нам в ту пору Чехословакии) пытался делать свои первые робкие шаги. Не получилось. Вместо реформирования всего социалистического лагеря – фу, какое мерзкое словечко! – пришли долгие заморозки, а следом за ними – длинная череда выморочного очищения – *долгожданно-неожиданные* похороны любимых Вождей, успешных на корню сгноить великую страну. Но, как видно, всем в наказание за наше овечьё молчанье, рабское послушание и бесхребетность – сегодня послан дремучий капитализм сомнительного образца. Только представь себе, читатель, в монархических странах: Дании, Норвегии, Швеции, Бельгии, Голландии, Англии, Испании, многих других капиталистических странах – уже свыше полувека нет политических узников, нет отстрела инакомыслящих. Совершенно отсутствует бейсбольный правёж. Там социализм существует, более того – процветает. А у нас – даже от декларативно-плакатного не осталось и на понюшку. Вчерашние блюстители социалистической законности стали главными расхитителями всенародного достояния. Но, захватив и распахав все это по карманам, они пошли ещё дальше. Став красными дворянами – перевели свои «сбережения» за кордон, купили там многочисленные поместья для своих жён и любовниц, их детей и внуков, давно живут там сами, а в родном отечестве бывают лишь наездами-наскоками. Так вот против этого вороватого чиновничества и выходили демонстранты на Красную площадь, выходили с требованием слова, с требованием соблюдения социалистических законов, написанных рукой самой номенклатуры.

Так вот, после психушки, посадки, высылки прозаика Льва Тарсиса, судилища над будущим лауреатом Нобелевской премии поэтом Иосифом Бродским, Юлием Даниелем и Андреем Синявским, после выхода «Белой книги» Александра Гинзбурга и немедленной над ним расправы поступок Натальи Горбаневской был для многих правозащитников непонятным. Но судьбу не выбирают, судьба сама выбирает своих подвижников и страстотерпцев. Вот её стихи, написанные по горячим следам событий:

**ВО ТЬМУ НАСИЛИЯ
(Красная площадь)**

В сумасшедшем доме
выломай ладони,
в стенку белый лоб,
как в лицо сугроб.

Там во тьму насилья,
ликом весела,
падает Россия,
словно в зеркала.

Для её для сына –
Дозу стеллазина?
Для неё самой
Потёмкинский конвой.

1969

* * *

День стирки и стихов. Склоняюсь над тазами,
ворчу и бормочу, бельё в руках кручу,
а белое в ведре зелёном кипячу,
а пена мыльная дрожит перед глазами.

Как радостны стихи, вертятся во рту моём,
как радужны круги, в глазах моих качаясь,
а розы, на поплине мокрым начинаясь,
поплыли на стенах, на стёклах, за окном.

Но под конец игры отяжелеют руки,
и не в игру игра, и в горле, как дыра,
и, протянув веревку посреди двора,
я голосом своим не оттяну разлуки.

1969

* * *

Страстная, насмотришься на демонстрантов.
ах, в монастырские колокола
не позвонить. Среди толпы бесстрастной
и след пустой позёмка замела.

О чём это, о каком пустом следе идёт речь? Да это о том, что «вас тут и не стояло...» В недавние дни чуть ли не каждый второй интеллигент безудержно трубил (*о подвигах, о славе*) о том, что он был чуть ли не потомственным «диссидентом», беззаветным борцом с тоталитарным режимом и что внёс свой неопределимый «вклад» в борьбу с ненавистной Системой. Сегодня они, почти все поголовно сменившие свой галс и курс, клянутся в верности *старорежимным* идеалам. А то, что многие, особенно посвящённые в их «гражданское мужество», действительно знают про них, они и думать не хотят. А наиболее сноровистые из них, давно сменившие аудиторию, словно глухари, наперебой, всяк свою, токует песню. И некому их спросить о цвете вчерашней кожи, когда и с какой целью они так удачно и безболезненно успели полинять. Да и знающие о их «заслугах» – хороши, устыдившись самих себя, помалкивают:

Дежурный монстр присядет и прикурит,
Притворствуется – мол, тоже человек...
А тот в плаще, в цепях, склонивши кудри,
Неужто всё про свой «жестокий век»?

Это поэтесса говорит про тех же лицедействующих интеллигентов, успешных побывать в станах торжествующих и поверженных. Там они были задействованы в самых разных ипостасях. И эти метаморфозы со многими приключались многократно, иногда по несколько раз за свою карьеру. Не потому ли работники конторы придумали для них злой и сочный эпитет – дерьмократы? Благодаря которым не получилась ни перестройка, ни реформы, а лишь жалкий фарс, да постыдно-трагическое урезание-усыхание шагреновой кожи отечества, могущее в ближайшие десятилетия перейти в обвальное состояние.

«ОТКУДА ПРИШЛИ, КУДА ИДЁМ?»

Гоген.

или ОБ АЛЬМАНАХЕ

«СИХОТЭ-АЛИНЬ» N 7 2010 ГОДА

Людмила ЩИПУНОВА,
г. Владивосток

Этот номер, выпущенный издательской программой «Народная Книга» писателя Владимира Михайловича Тыцких, отличается от своих старших братьев. Теперь он «в полный рост»; теплые чувства вызывает яркий, необычный, полный жизни цвет обложки. А шрифт названия журнала напоминает об извилистых древних хребтах, их красоте, таинственности, богатстве, о неоднозначности судеб людей, здесь живущих, и заставляет поверить «обещанию художника» о продлении чувств и мыслей за обложкой, в содержании альманаха. Есть что выбрать здесь на свой вкус читателю, не исчезла лишь бы потребность размышлять....

Интересное исследование о факте «наличия двух календарных систем в России» (авторы Алена Иванникова и Юрий Кабанков), заставляет думать о времени, о себе, о жизненных ценностях, подлинных и мнимых, в бесконечном поиске гармонии между Человеком и Вечностью, Человеком и Вселенной. Такое ощущение, будто касаешься величайшей из тайн – тайны философской категории «времени». А название исследования «Человек как мера божественного времени», на мой взгляд, проходит лейтмотивом всего содержания этого номера.

Быть, оставаться Человеком непросто. Потому так захватывают документальные материалы Василия Кучерявенко «Делает честь нации» и Анны Ивановны Щетининой «Сигнал бедствия», опубликованные под рубрикой «Морские хроники». Два капитана, два экипажа, два события, разделенные десятилетним отрезком времени. А суть одна – быть Человеком!

Анна Ивановна рассказывает без всякой лакировки, языком документалиста, сдержанно, так, будто она опять там, в декабре 1943, ведёт груженное мукой судно «Жан Жорес» в жестокий шторм по холодному Аляскинскому заливу в Акутан.

Но вот сквозь «сухие строчки» прорываются чувства. Ещё бы! «...за пятьсот миль до Акутана... со звуком пушечного выстрела лопнула палуба по передней кромке третьего трюма.... От американцев слышали:... носовая часть... тонет сразу же, а кормовая держится до тех пор, пока противостоит напору волн водонепроницаемая переборка машинно-котельного отделения....» Вокруг суший ад! А на борту

– люди. И груз. Такой необходимый стране, фронту....

– Но человек – удивительное существо! – восхищается Анна Ивановна мужеством, силой духа советских моряков-тихоокеанцев, членов её родного экипажа, не согнувшихся перед бедой, перед грозной стихией.

А я, читая эти воспоминания, восхищаюсь ею, своей знаменитой землячкой, первой в мире женщиной-капитаном дальнего плавания, умевшей находить в трудную минуту на капитанском мостике единственно верные решения.

1932 год. 16 мая. Около четырёх утра. В двадцати милях от мыса Гуардафуй в Индийском океане загорелся французский лайнер «Жорж Филиппар». На борту – 630 пассажиров и 160 членов команды. А поблизости – только танкер «Советская нефть». Капитан его, Александр Митрофанович Алексеев, получив «SOS», принимает ответственное решение: «Иду на помощь!»

Он знал, что «не только от искры, но и от повышения температуры танкер может взорваться». Однако «спокойно и чётко отдаёт распоряжение; глядя на него, так же спокойно старается выполнять свои обязанности команда». Покоряет правдивое, исторически конкретное описание действительности и умение автора, Василия Кучерявенко, выразить и обобщить дух времени. Восхищаешься высотой духа, смелостью, милосердием, бескорытием наших моряков. Спасая жизни людей, в течение пяти часов (с четырёх утра!) они не позволяли себе и минуты передышки. Мужество экипажа и личная отвага капитана, долг, честь, сострадание к терпящим бедствие слились воедино. Автор показывает и неизбежные в таких ситуациях встречи человека с человеком: капитана танкера Алексеева и миллионера Луи Дрейфуса, третьего механика танкера Нестеренко и русского эмигранта с «бородкой клинышком», малайца, пытавшегося напиться воды из кружки, ударившего его француза и кока Шевченко, твердым жестом остановившего его: «У нас так не делают. Это советское судно!...» Автор заставляет читателя подняться до осознания высочайшей нравственной ценности – человеческое начало выше общественной роли и положения. Талантливое описание происходящего увлекло, заставило забыть на миг и будто наяву увидеть людей, осыпавших

Хребет Восточный Синий, Сихотэ-Алинь.
Фото Ирины БАНКРАШКОВОЙ, г. Хабаровск

розами палубу танкера, услышать летевшую со всех сторон здравицу: «Слава русским!», пока не опомнилась: Боже! Какого флота лишился мой народ, а во имя кого и чего?

О своём отце, генерал-лейтенанте Николае Александровиче Максимове, сорок пять лет отдавшем военной службе, из них десять лет в Приморье, пишет Светлана Максимова («Он называл нас дальневосточниками»). Это воспоминание – реквием по тем, для кого честное имя было дороже всего: «Как ты мог, ведь тебе доверяли, потому что ты – зять Максимова. Ты опозорил наше честное имя». По тем, кто старался быть ответственным и отважным в поступках, искренним в чувствах – в семье ли или в другом, приветливым и надёжным для всех, кто нуждался в его помощи, оставаясь «скромным и нетребовательным в быту, приучая к этому... дочерей». Ему «было неудобно перед людьми...» просить квартиру для семьи дочери, хотя «...за других просил легко». Выпукло выписан мой соотечественник двадцатого века, нежелающий ходить «по головам», творящий добро, «бессребреник». Поэтому и победил он в той страшной войне. Именно на таких держалась и держится Россия. И лётчик-фронтовик Николай Максимов, столько повидавший на своём веку, не раз смотревший в глаза смерти и потому «умевший дорожить тем, чем... могла порадовать жизнь», не «носил за пазухой камня». Потому

и не перенёс предательства того, кого считал одним из лучших своих воспитанников. Невольно сжимается сердце: сколько сегодня оказалось среди нас таких вот «лучших воспитанников», не вынесших искушения властью, деньгами, славой, не сумевших обуздать свою зависть и жадность, лень и гордыню, легко продав и предав и Мать, и Отца, и Учителя, и Родину!

Татьяна Кирияка пишет об обыкновенной приморской деревеньке Каменке «в две извилистые улицы» («Малиновая гора»). Пишет неспешно, ритмично, словно боится расплескать дорогие сердцу воспоминания и находит для выражения чувств к земле своего детства проникновенные, от сердца идущие слова: «Там ручей скороговоркой произносит только ему понятные звуки... фыркает...» «Сопки подковой окружили деревню: ближняя, дальняя и острая». Там «...сверстники-мальчишки и девчонки становились единомышленниками, превращались в Братство, в едином порыве познающее мир»; «...делились друг с другом небольшим, но отважным опытом таёжной жизни: одному подростку в тайге не выжить». И припоминает случай на Малиновой горе, заставивший деревенскую детвору понять меру ответственности за поступки свои, повзрослеть душой. Рано мужали они, потому что сохраняла приморская деревня традиции крестьянского восприятия жизни переселенцев Украины, центра и юга России, Урала

и Сибири, их несгораемую любовь к своей земле.

Сегодня деревня разорена, унижена, глядит пустынями глазами окон на заросшие бурьяном, некогда цветущие поля. Ждет, кормилица, когда «загадочный, всепобеждающий русский характер» заставит человека проявить силу и волю, чтобы противостоять этому запустению, как заставил он услышать зов родной земли сына героя очерка Бориса Мисюка «Родионовы». Неужели «послеперестроечному» человеку надо потерять Родину, как потерял её он, пройти все муки эмигранта («семь лет отсидел он в китайской страшной яме-тюрьме», дважды его расстреливали, много раз терял горбом своим нажитое имущество), чтобы осознать, что «на любой ступени падения есть спасение – живя в мире, преобразовать его». А приобретая «душевное зрение», увидеть, что «неправедные деньги не приносят истинного блага и воровское благополучие – лишь видимость», что «халуга и прохвост лишён главного – лада в душе».

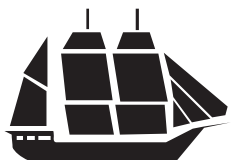
Немало их, моих соотечественников, талантливых, трудолюбивых, мастеровых, болеющих за отечество, за землю нашу, знающих, что за дело своё, за поступки отвечать придётся не только перед людьми и Богом, но – перед совестью своей, от которой нет спасения за границей, за железными запорами дворцов. Вот таких, как Пётр Иванович, герой повести В. Тыцких («Индивидуальный заказ»). От рядового первой мировой войны, «хлебнувшего в 1915 газа на германском фронте», до секретаря обкома – его жизненный путь. А ему «надо-то было: мир сладить да с миром жить, детей и внуков растить на своей земле». Однако «война всех вымела без остатка... а сегодня вокруг такое выползло на белый свет, хоть «караул!» кричи». «И не революция тут виновата, не Бог, и не дьявол, потому что человечиска сам выбирает, кому быть послушным, к Богу идти или к чёрту лепиться». Потому что «человека по делам видно», ведь надо «не только руками двига(ть), но и душу к делу приспособ(ить)!» К человеку поверн(уться), подума(ть) о нём...» Ведь тогда «...другой человек знает, за что... спасибо сказать». Пётр Иванович, уйдя на пенсию, тачал обувь. Да так, чтоб самому было любо-дорого посмотреть на творение своё, вызывая трепет в душах покупателей, как у его героини Татьяны. Да и у меня, читателя, эти красивые и, главное, удобные сапожки его так и стоят перед глазами, потому что помню, как мечтала я с подружками о таких же. Удалось Владимиру Михайловичу создать образ. Запоминается он, в душу западает, думать заставляет. А кому, как не писателю, заставлять нас думать: «Зачем я на этой земле?» Но чтоб у автора получилось, надо над собой совершить усилие, чтобы «не просто искать, завоевывать читателя любимыми путями, а и формировать его». Учить умению «усмирять житейскую и мировую скорбь» (Юрий Кабанков. «Слово прощания»). Чтобы не «оскотиниться» и не стать бездуховным пожирателем благ (Владимир Крупин. «Подняться до здравого смысла»). И тут им, писателям, «держаться бы вместе». А пока, как в бессмертной басне В.А. Крылова, каждый из них тянет на свою дорогу. Печалится автор, поднимает много про-

блем, а потому это интервью заслуживает отдельного исследования.

Есть что почитать и любителям поэзии: шестьдесят страниц альманаха предоставлено ей. Здесь каждая строка дышит любовью к Земле, к природе Приморья (Александр Романенко. «Сквозь одуванчика жёлтый зрачок»): «Я вырос под кроной могучей, / Шумящею день ото дня. / И шёпот, и шелест летучий/ Всю жизнь озаряют меня». К дому своему (Владимир Берязев. «На веранде дома деревянного»): «На веранде, верю я, на Родине, / Где за огородами – околица, / Где лишь самородной боли отдано/ Всё, что окликается и молится, / Где ещё побуду я, непризванный./ Не прощённый пленник мира данного – / Братом, Человеком, а не призраком,/ На веранде дома деревянного». К Петербургу, к Отечеству (Елена Елагина. «И случай наш предвиделся судьбой»): «На подошвах своих землю не унесёшь/ Как и язык свой на кончике языка. / Оттого никуда не едешь, мучаешься, но живёшь...» И такая боль от происходящего на Родине («Январь»): «Род пресекается, как пресекается речь – / На полуслове. Дальше – молчанье, сиречь / Вечная пауза. Шумно звучащего мира.»

Видеть мир, выражать мысли языком поэзии наделены избранные. Вот и знакомят нас с ними или напоминают о них: Александр Лобычев. «Вечно живу» (К 70-летию А. Романенко); Елена Скульская. «Не вышло про любовь, так выйдет про...» (о творчестве Е. Елагиной). Очерк Эльвиры Кочетковой «Запомним: Павел Васильев». Цепляет. Потому что автор – талантливый человек, поэтесса не может смириться с потерей 27-летнего гения-поэта, щедро одаренного Богом, человека, безгранично верящего Родине, прославляющего её, влюблённого в людей. Его поэзия «...неисчерпаемое явление, неуправляемый атомный взрыв отпущенной на свободу метафоры. Правда! Самая настоящая!» Потрясенная встречей с творчеством поэта, автор не может молчать потому, что «Родина, народ её должны услышать, что имя Павла Васильева стоит в ряду гениев нашей великой литературы». И у неё получилось! Она смогла достучаться до многих. Во всяком случае, до тех, кто взял очерк себе в копилку, как учителя школ: надо, чтобы дети узнали о Павле Васильеве.

«Поэзия есть Бог в святых мечтах Земли», – писал В. А. Жуковский. Дар поэта обязывает. И нельзя умолчать, утаить что-то – грех! О назначении поэта на с. 84 альманаха есть замечательные строки русского художника слова Валентина Курбатова («Ожить к утру...»): «...пишет поэт, преодолевая свою и чужую немоту. Не страшится темнот в стихах и возможного непонимания, потому что разве он пишет для читателя? Он из себя выхода ищет, из себя земного к себе небесному...» А у музы «средства... всё те же – перо и бумага. Нечем больше художнику заслониться от своих бед и нечем ему заслонить милую землю и бедную историю, в которых он вырос и которые так переплетены в русском сердце, что не знаешь – беда ли родины болит в тебе или твоя духовная неустойчивость расшатывает стоящий за окном день».

конкурс

В январском номере «Литературного меридиана» мы подводим итоги литературного конкурса «Шумит волна, звенит струна». Итак, по номинациям...

ПОЭЗИЯ: 1 место – Марина Зайцева, г. Корсаков Сахалинской области («Я из той стороны»).

2 место – Юлия Подгорбунская, г. Иркутск («Шторм»).

3 место – Олег Матвеев, г. Владивосток («Бессрочный рейс»).

ПРОЗА: 1 место – Виталий Ядрышников, г. Владивосток («Жирный компот», рассказ-быль).

2 место – Нина Семёнова, с. Сычёвка Алтайского края («Он в "Грозовую степь вернулся..."», повествование о писателе-маринисте А.П. Соболеве).

3 место – Владислав Гусаров, г. Владивосток («По своему билету», рассказ).

3 место – Надежда Белоусова, г. Благовещенск («Приёмный сын», рассказ).

ОЧЕРК: 1 место – Татьяна Овчинникова, г. Уссурийск Приморского края («Юнга огненных рейсов»).

2 место – Николай Кошелев, г. Николаевск-на-Амуре («Прощай, Николаевск!»).

3 место – Валерий Воронин, г. Владивосток («Мой город у моря»).

ИСТОРИЯ ФЛОТА: 1 место – Пётр Пузин, г. Владивосток («Науке морем ходить – учиться особо»).

2 место – Людмила Макеенко, г. Псков («Адмиралы, моряки Назимовы»).

3 место – не присуждалось.

В номинации **РЕПОРТАЖ** жюри отметило работу **Юрия Панченко** из города Владивостока – «Зерновой рейс из Австралии».

Победители конкурса «Шумит волна, звенит струна» награждаются дипломами, буклетами и книгами известных приморских литераторов.

Почетными грамотами участников конкурса и поэтическими буклетами ведущих авторов «ЛитМ» награждаются участники конкурса:

Лариса Белякова (г. Лучегорск), Александр Рачков (г. Николаевск-на-Амуре), Надежда Верхотурова (с. Новотроицкое), Раиса Лихачева (г. Калуга), Любовь Кузьмина (г. Артем), Анатолий Бакалов (г. Владивосток), Нина Гудкова (г. Саратов), Надежда Лавровская (с. Вольно-Надеждинское), Алла Мачтакова (г. Владивосток), Борис Тимофеев (г. Владивосток), Василий Самотохин (г. Санкт-Петербург), Светлана Машенко (п. Приозерный), Тимур Каменев (г. Владивосток).

Анатолий ЗЛЫДНЕВ родом с Белгородчины. Окончил Каспийское высшее военно-морское училище им. С.М. Кирова. Капитан первого ранга, военный журналист, многие годы служил на Тихоокеанском флоте в качестве корреспондента и старшего постоянного корреспондента газеты «Красная звезда» – сначала на Камчатке, потом во Владивостоке. Ныне живёт в Пушкине. Автор книги стихов «Флаг на гафеле», печатался в военной, региональной и центральной периодике. Стихи Анатолия Злыднева включены в антологии «Сто лет поэзии Приморья», «Поэзия военных моряков Российского флота» и др. Нам представляется, что недавно присланное в редакцию «Литературного меридиана» стихотворение Александра Егоровича очень подходит для публикации одновременно с итогами нашего конкурса. В нём есть всё, чем наполнена настоящая поэзия моря: любовь к флоту, преданность родной земле, верность морскому братству и уверенность, что в России всегда найдутся молодые, сильные и смелые люди, готовые принять у отцов флотскую вахту.

★ ★ ★

Уходят друзья.

К сожаленью, уходят.

Хоть возраст далёк

от предельной черты.

Причина известна:

сердечко подводит,

не выдержав стрессов

мирской суеты.

А как они в юности

были прекрасны!

Как ясно светила им

Альфа-звезда!

Крамольной была

даже мысль о запасе,

а служба, казалось,

пребудет всегда.

Учились настырно.

Служили в охотку.

На вахте стояли

и в холод, и в зной.

Им домом родным

становилась подлодка,

а палуба крейсера

– твердью земной.

Пусть быт не устроен –

прорвёмся, ребята!

Жена перетерпит.

На то и жена.

Старпом матерится?

Он тоже когда-то

своё получил

от старпома сполна...

В поход из похода...

Беснуются штормы.

И соль океана

виски серебрит.

Но сын примеряет

курсантскую форму,

мечтая достичь

адмиральских орбит.

ЕСЛИ ВЕРНУСЬ...

Эльвира КОЧЕТКОВА

Младший сын Даниил перегонял яхту между островами Рикорда и Рейнеке. Делал это впервые в жизни, когда подходило к концу его шестнадцатое лето. Лето, когда он получил долгожданные права яхтенного рулевого, разрешающие ему плавание в акватории залива.

Но залива оказалось мало. Возможно, он был опьянён простором, как водолаз глубиной, или сказалась обычная юношеская самонадеянность. Вероятно, по той же причине он вышел в плавание в одиночку, нарушив все инструкции, данные по телефону хозяином яхты.

За несколько лет обучения у Евгения Ивановича Жукова в детском лагере «Мореход» Морского университета у Даниила сложились неплохие отношения с морем. Если была возможность не сходить на берег, он оставался на яхте, где спал, ел и размышлял, подолгу разглядывая простор.

Очередной выбор в пользу яхты и моря Даниил сделал весной, когда, собираясь в автопробег, разучивал на аккордеоне русские народные песни. Вскоре выяснилось, что его новая команда в яхтенном клубе МГУ должна выходить в море почти каждый день, готовясь к грядущим гонкам. С тяжёлым сердцем Даниил сообщил мне о своём желании остаться в команде. Не решаясь поговорить с Владимиром Михайловичем, попросил об этом меня. Владимир Михайлович понял и простил эту страсть мгновенно, задав только один вопрос: «А в концерте перед отъездом сыграть сможешь?»

Даниил смог. Пока Сергей Сидоренко пробирался сквозь автомобильную пробку, а Сергей Юдинцев искал звукорежиссёра, у которого в этот день оказался выходной, Даниил выдвинул на середину сцены актёрского зала МГУ рояль и подарил собравшимся свои любимые мелодии.

Когда играл, у меня перед глазами пробежала его музыкальная судьба. Судьбы, собственно, никакой, поскольку в музыкальной школе он не учился. Дебют – в четыре года в бывшем пионерском лагере, где отдыхал вместе со старшим братом при работающем там отце. Старший брат и отец давали небольшой концерт, посвящённый открытию лагеря. Сцена – открытая солнцепёку площадка посреди июля и зелёной травы, на которой собралась детвора. Девятилетний Василий, обезволенный духотой, вдруг поник и посреди концерта пополз в сторону от надоевшего ему барабана. Даниил подхватил палочки влажными ладошками, сопя и краснея от напряжения

и жары, мокрый от пота и слёз, отбарабанил до конца.

Потом была первомайская демонстрация и День Победы. Девятилетний Даниил, зарабатывая на мальчишескую мечту, шёл в составе духового оркестра и бил по тяжёлому барабану, который катил на тележке отец.

Два года назад – День города, оставшийся в памяти. На набережной возле стадиона «Динамо» большая сцена, много автобусов с коллективами, приехавшими развлечь горожан. Я волнуюсь в разноликой толпе, потому что Даниил сегодня играет среди настоящих музыкантов на настоящей ударной установке с большим и малым барабанами на виду у многочисленных зрителей. Духовой оркестр вскружил тишину, наполнив набережную великолепной торжественной музыкой.

Когда умер мой отец, Даниилу было два года. Все запомнили зов одинокой трубы над заснеженным кладбищем Русского острова, ослеплённого солнцем. Даниил удивлённо поглядывал на своего отца, заставляющего плакать холодную медную трубу. Потом мы прощались с мамой. Она не слышала школьного звонка, который последний раз звучал для неё. И вдруг над осенней слякотью школьного двора, где проходило прощание, взметнулась труба, за ней потянулась другая. За высокой отцовской партией Даниил повёл свою, басовую, которую разучил полчаса назад. Никогда не забуду эти минуты, переполнявшие меня благодарностью к четырнадцатилетнему сыну.

На школьных концертах учителя прощали Даниилу все невыученные уроки, дарили шоколадки, а по будням старались лишней раз не вызывать родителей.

...Концерт завершил наконец подоспевший Сергей Сидоренко, и автопробег уехал новыми дорогами, лично мне многократно дарившими встречи с мальчишками и девчонками, в чём-то похожими на моего сына.

Жизнь как-то удивительно поменяла братьев местами. Василий, который собирался остаться и сдавать учебные долги, оказался рядом со мной. Даниил всё лето упорно покорял море – ему предстояли свои дороги и уроки.

...Яхта качалась на волнах, окружённая густым туманом. Ожидаемый берег не появлялся уже несколько часов. Неотвратимо надвигалась ночь, в которую ворвался шторм, и, наконец, зачастил дождь. Даниил почувствовал себя утомлённым. Хотелось пить, а ещё больше спать. Но, если уснуть, яхту может вынести в открытое море или выбросить на берег. Сотовый

Фото Ивана КОНЧАТНОГО, г. Арсеньев

телефон разрядился. Сознание упрямо напоминало о близких. Как часто друзья слышали от него легкое, как ветер: «Я вас люблю». Папе с мамой ни разу не сказал... «Если вернусь», – думал Даниил, – первым делом скажу им об этом».

Видимость становилась нулевой. Даже обычного магнитного компаса на борту нет. И ходовые огни не горят. Поискать сигнальные ракеты – не пришло в голову. Куда идти? И как сказать о себе? Что-то с горящими огоньками прошло мимо. С этого момента человечество словно исчезло. Мужество начинало покидать. Холодное отчаяние, противясь воле, заполняло душу. «Если вернусь, никогда не буду таким самонадеянным», – решил Даниил. Ещё через пару часов безысходности он понял, что больше не может рассчитывать на себя. Оставалось надеяться на небо, которого он не видел, но вдруг явственно ощутил над собой: «Если вернусь – буду верить».

Скоро бездонная чернота подмигнула ему огоньком.

Даниил бросил якорь, немного замешкавшись. Киль черкнул дно незнакомой бухты. Якорный трос опасно натянулся. Оставлять судно в таком положении нельзя: может разбиться. Даниил начал подтягивать яхту руками, пытаясь ослабить трос. По ладоням потекла кровь. Но цель была достигнута. Теперь надо переместить якорь дальше от берега. Даниил ныряет прямо в одежду и по дну перетаскивает якорь на один шаг. Выныривает за глотком воздуха, ныряет опять. Ещё шаг. Ещё глоток. Ещё полшага... Потом сно-

ва тянет верёвку, не чувствуя боли, и всё повторяется сначала. Наконец он решил, что необходимое сделано. Однако ночевать на яхте не хочется. Сухой одежды нет. Ночь, несмотря на август, выдалась холодной, да и о себе надо бы сообщить.

Что за люди там, на берегу? Парень поплыл наудачу, на веру, на желанное тепло костра и сердец. Наверное, он перемог все испытания, назначенные этим днём, – на берегу оказались свои. Подводники. Трое мужчин, с ними три женщины с двумя маленькими девчушками. Высокий, загорелый, похожий на цыгана, Даниил появился из моря в мокрых шортах и кедах, освещённый автомобильными фарами. Устало брёл по жёлтой дорожке – то ли вышел из моря, то ли спустился с неба...

– Не сочтите за наглость, нет ли у вас водички? – первое, что произнёс он.

– Всё у нас есть. Иди сюда. Грейся...

На походной кухне остывали уха, шашлык, исходил соком арбуз, который в тот момент показался Даниилу даром богов.

Остров, ставший спасительным, оказался родным Русским островом, а незнакомая в ночи бухта – очень знакомой бухтой Вятлино. Люди расспросили юного «Магеллана» (так они его прозвали), обработали и заклеили ободранные до крови пальцы, дали на ночь сухую одежду и место для ночлега. Наутро, ныряя в водолазных костюмах, помогли отцепить якорь, врезавшийся за ночь в камни, и пожелали всего, что положено моряку, уходящему в море.

Фото Ирины БАНКРАШКОВОЙ

Я долго жалела, что не знаю имён спасителей сына. Потом догадалась – с их телефона Даниил звонил на сотовый старшему брату. В мобильнике у Василия остался номер. Я разыскала впоследствии этих людей. Не будь звонка ещё полчаса, на поиски отправились бы службы МЧС. На материке почти всю ночь не спали около десятка людей, готовясь к выходу.

С трудом переждав пару дней, пока сын придёт в себя, спросила: «Что же с тобой все-таки приключилось?» Он заиграл на пианино какую-то небыструю мелодию и, глядя куда-то вдаль, повёл рассказ, не останавливаясь, не запинаясь, не ища слова, будто читал хорошо знакомую, многократно прочитанную книгу.

Так закончилось его последнее школьное лето. Впереди – последний школьный год.

Я решила, что Даниил теперь захочет побыть на берегу и надолго забудет яхты. Но через три дня он, счастливый, ушёл матросом в двухсотмильную гонку на кубок залива Петра Великого с одним известным яхтенным капитаном.

Под утро вторых суток в моё раскрытое окно ворвался штормовой ветер. Сын снова боролся со стихией. Море перед окном вставало на дыбы и рушилось белой пеной. «Сколько же можно?!» – подумала я. Пусть лучше поступает в театральный, как недавно хотел. Возражать не буду. Ни судёнышка не качалось на горизонте. В такой шторм единственное разумное – стоять на приколе и ждать погоды. Слава Богу, сегодня Даниил с командой. Рядом спасатели и телевидение.

Как выяснилось позже, во время утреннего порыва ветра у одной из яхт сломалась мачта, другую перевернуло... Из тридцати шести команд «наша» пришла третьей.

В два часа ночи Даниил, практически не спавший

двое суток, переступил порог дома. Помылся и плюхнулся на кровать. «Пусть отсыпается, – подумала я, – будить не стану». Но он поднялся вовремя и пошёл в школу. Лохматый, с красным обветренным лицом, завязанными пальцами. Успел на первый урок. На пороге класса – новая завуч...

– Смирнов, ты почему пропустил занятия?

– Я был на Всероссийской гонке.

– У тебя есть документы?

– Документов нет, я был внештатным.

– Ничего не знаю, носи документы. Ты больше похож на того, который с похмелья... едва стоишь.

Как после этого не любить море, которое оценит тебя по всем параметрам и по всей строгости, но непременно справедливо?

Я напомнила Даниилу, что через год в его жизни уже не будет никаких школьных учителей – ни плохих, ни хороших. И ещё подумала: через год в школе уже не будет ученика, который пишет такие объяснительные, как эта, написанная им два года назад, ставшая достоянием учительского коллектива и поэтому сохранившаяся. Привожу её здесь, ничего не исправляя, лишь немного сократив:

Объяснительная

Я, Смирнов Даниил Александрович, сегодня опоздал на урок английского. Начну по порядку: шла сороковая минута третьего урока. Погода была прекрасная – солнце не пекло, но воздух был теплый, и только ветер, слегка колышущий листья деревьев, напоминал о том, что уже наступила осень. Едва я успел закончить короткий диалог с учителем, как вдруг меня осенило: а почему бы мне не пойти на турник, установленный на деньги нашей городской администрации, в целях улучшения своих физических возможностей.

Тут прозвенел звонок. Я предложил своему соседу по парте ... пойти вместе со мной... Мы вышли на улицу, и все тот же осенний ветерок одул моё лицо. Я понял, что жить осталось на одно лето меньше.

...осмотрел все вокруг и увидел, что большинство моих одноклассников на площадке. Решил, что все ошибаться не могут, и я останусь у турника. Но тут я заметил, что между раскинувшимися, как руки, ветвями деревьев проглядывает голубое, чистое небо. И мой мозг задал вопрос: «А в чем смысл жизни?». Мои думы разрушил пронзительный, звенящий на ноте ля второй октавы, звонок. Я оглянулся. Вокруг уже никого не было. Я побежал на урок, но опоздал.

Учитель английского простила ему это опоздание.

ТАНКЕР НАШЕЙ ЮНОСТИ

Витольд ЯДРЫШНИКОВ,
г. Владивосток

«ВИРА КАНАТ!»

Хотя для танкера «Серго» рейс Владивосток – Дальний (КНР) – Гамбург (ФРГ) – Констанца (Румыния) – Одесса – Кантон (КНР) – Владивосток был не первый, для нас, молодых и первых выпускников технического училища № 1, он был первый...

Училище было открыто в ноябре 1954 года на базе ремесленного училища № 3, по улице Парковая, 33. Принимались в него юноши, окончившие среднюю школу. В 1953-54 и в последующие годы до 1960-х в высшие учебные заведения, во всяком случае Владивостока, был огромный конкурс. В результате этого мы не поступили в ВВМУ (так тогда называлось Владивостокское высшее инженерное морское училище имени адмирала Невельского). Кто пошел работать, а кто болтался без дела. Приемных экзаменов в техническое училище сдавать не требовалось, достаточно было справки из тех высших учебных заведений, куда мы не попали по конкурсу.

Я, Толкач Володя, Рогожников Петр и много других ребят учились два года. Училище готовило специалистов для Дальневосточного пароходства: штурманов, электромехаников, радиооператоров, механиков-дизелистов, мотористов. Волею случая наша троица после окончания была направлена на танкер «Серго»: я и Володя Толкач – мотористами, а Петр Рогожников – электриком. В этих должностях нам нужно было отплавать год для выполнения плавцены, чтобы получить диплом. Мы сделали несколько рейсов на Сахалин, в Петропавловск-Камчатский, Магадан с грузом бензина, мазута, дизельного топлива. Появился кое-какой опыт работы по нашей будущей специальности. В сентябре 1957 года прошел слух, что танкер снова пойдет с грузом сои на Гамбург. Это было понятно и по другим признакам: стали появляться на танкере во время стоянок во Владивостоке «морские волки». В основном они ходили только за границу. Лето, когда танкер работал в наших дальневосточных морях, они отгуливали отпуска, а перед уходом за «кордон» за рейс-два приходили на судно. Это были опытные старшие мотористы, матросы. На их местах трудились люди без виз, поэтому замена оказывалась безболезненной. Оформить визу для получения загранпаспорта моряка, так называемой «мореходки», в те годы было делом непростым. Кроме профессии и личных качеств, имело значение образование: и школьное, и специальное. Нам повезло: всем троим открыли визы. Мы были молоды, старательны, не нарушали дисциплины и, по тем временам, имели неплохое образование. В ноябре, совершая последний рейс с грузом бензина и дизельного топлива в Магадан, мы были на седьмом небе: уже знали, что получим «мореходки» и пойдем в длительный рейс на Гамбург. Внимательно слушали рассказы наших бывалых «морских волков»: как себя вести, что покупать, как торговаться на малай-базаре Сингапура.

К нефтепирсу Магадана танкера становились кормой, поэтому был отдан один, как вспоминается, левый якорь. Уже стемнело, когда стали отходить, дул холодный ноябрьский ветер. На танкере «Серго», кроме уставного, был еще и установленный капитаном порядок нахождения членов экипажа на ответственных местах во время швартовки-отшвартовки. На баке при выборке якоря надлежало быть еще и электрику. Это был Петр Рогожников. Электродвигатель брашпиля размещался глубоко внизу под брашпилем, в носовом помповом отделении. От него шел вал к червячной передаче привода брашпиля. Включал и выключал контролер брашпиля электрик по команде, боцман следил за выборкой якорной цепи и находился у ленточных тормозов. Тут же, на самом ветру у носа судна, был с микрофоном третий помощник капитана. Уже пошла последняя смычка цепи, как говорится, якорь встал, то есть он уже не держал судно, дали ход машине, как вдруг сильно завибриро-

вала верхняя крышка червячной передачи, раздался грохот, скрежет, и электрик немедленно остановил электродвигатель. Сразу доложили на мостик. Капитан тут же приказал: «Немедленно "Вира канат!"» И, чтоб не было промедления, добавил пару ненормативных выражений.

Только когда якорь взяли в клюз, остановили электродвигатель. Верхняя крышка червяка, сам корпус раскалились, сгорела краска на нем. От червячной передачи пошел дым. Наложили стопора на якорь-цепь, в том числе и «стопор Белова-шапкина», то есть веретено якоря утянули еще стальной тросом. На бак пришел капитан узнать, что случилось, выругался крепко и приказал уже появившемуся из машины старшему механику: «Чтоб к приходу все было исправлено!» А это пять – шесть суток в зависимости от погоды. В эту же ночь, пока все остывало, стали готовить инструменты, приспособления. К утру, крепко намерзнувшись, пошли отдохнуть и согреться горячим чаем. Все, конечно, кляли капитана, понимая, что верхний подшипник червяка вышел из строя, а запасного нет и вряд ли был. Утром бригада из четырех человек, куда попал и я, приступила к демонтажу. С великим трудом срубили гайки крышки, которая в диаметре была около 350 миллиметров. Все гайки подплавились. Теперь крышку надо было снять. Пилили ножовкой, рубили. Только теперь осознали всю опасность: танкер не дегазирован после бензина, и любая искра могла причинить трудно вообразимую беду. Ведь корпус и крышка червяка во время выборки были раскалены! Поэтому теперь рубили только омедненным инструментом, а когда пилили ножовкой по металлу, лили воду, которая тут же замерзала.

Когда к концу дня крышку сняли, наконец-то взором представала печальная картина. Конец червяка, его шейка и подшипник превратились в расплавленную и теперь застывшую массу. При виде всего этого наш «дед», старший механик Сердюк Константин Максимович, взялся за сердце и присел на кнехт. Эх, чего только на море не бывало, а находчивый моряк всегда имелся. Наш токарь, Василий Онищенко, сказал: «Попробую». Так или иначе, Василий изготовил под найденные в кладовой разрозненные, но одного размера шарики обойму, новые крышки. Много труда ушло на восстановление подплавленной шейки червяка. После сборки деталей привод опробовали. Когда танкер в 1960-е годы встал как бункеровщик в бухте Сероглазка в Петропавловске-Камчатском, – это был самый новый узел во всем машинном хозяйстве!

Когда уже страсти по ремонту улеглись, то в головы пришла ясная, понятная мысль: да ведь прав был капитан, отдавая команду «Вира канат!», после того как электрик остановил выборку якоря-цепи, услышав грохот. Если брашпиль простоял бы еще хотя полминутки – расплавленный металл схватился бы прочно, якорь бы не выбрали, и работа по ремонту стала сложней. Да и пришлось бы вызывать буксир и становиться к причалу. И какова была бы потеря времени по ремонту и выборке якоря! А впереди-то такой рейс! И все это происшествие могло этот рейс сорвать! «Голова-а-а!» – твердили все, кто был причастен к этому случаю.

Ремонт ремонтом, а танкер надо было подготовить под погрузку сои. После пропарки танков, а это почти двое суток хода, весь экипаж включился в работу по очистке. Моечных машинок не было, и всю грязь убирали скребками, щетками, скатывали горячей морской водой под давлением. Трудились все без исключения, потому что за подготовку танкера под груз платили юанями, валютой страны, где мы будем грузиться, – КНР. В те годы в Китайской Народной Республике работали магазины «Дружба», и все товары для моряков СССР стоили в них на 50% дешевле. После прихода во Владивосток нас поставили на 5-й причал (теперь там контейнерный терминал), где мы еще пару

недель под ветошь очищали танки. И только в начале декабря 1957 года был укомплектован экипаж, нас оформили власти, и мы, полные радужных надежд, вышли в рейс.

ПЕСНИ, СПОРТ И ...ШАХМАТНЫЕ БАТАЛИИ

При формировании экипажа в штатном расписании появился четвертый помощник капитана. До этого обходились только тремя штурманами: старпом Сорокин Виктор Николаевич, второй помощник капитана Петраков Александр Иванович, третий помощник Степан Федорович (фамилии, к сожалению, не помню). В момент появления на суденовый четвертый помощник был в форме капитан-лейтенанта, а затем всегда был в обычном, так сказать, партикулярном платье. Значит, задавать какие-то вопросы не рекомендовалось. Зато он проявил активнейшую деятельность по организации спортивной жизни на судне. Вместе с помполитом Григорием Степановичем (тезка капитана) они выписали на культбазе пароходства гири, новые параллельные брусья, штангу с набором блинов и с замками, новую перекладину с растяжками для установок, боксерские перчатки, две или три пневматические винтовки. Палубы кормового ботдека были отдраены до желтизны доски, перекладина и брусья установлены и закреплены. Жизнь спортивная на судне закипела. Четвертый помощник начал обучать молодежь приемам самбо, джиу-джитсу, работе с гирями и штангой.

Как всегда, на судах пароходства, идущих в длительный рейс с обновленным экипажем, первый помощник (помполит) начинал проводить собрания. Первое собрание – общесудовое. Выборы редколлегии и редактора, хозяйственной комиссии, довыборы членов судового комитета и его председателя. Затем партсобрание, комсомольское собрание. Выборы комитета и комсорга, назначение ответственных за разные участки в жизни экипажа. Эта работа продолжалась три-четыре дня. И после этого начиналась обычная судовая жизнь.

Четвертый помощник оказался неплохим художником. Вместе со вновь назначенным ответственным за спортивную жизнь комсомольцем мотористом Мальшиным Валерием они составили красочные графики игры в «козла» и в шахматы. Шахматистов оказалось более пятнадцати человек. Я не участвовал, так как играл слабо. При составлении графиков много было споров. Но наконец все было согласовано. Капитан, между прочим, считал себя хорошим шахматистом. При составлении графика игры в шахматы специально обратились к нему: будет ли он участвовать в турнире? Он ответил так: «Вы там у себя на корме соревнуйтесь, и кто победит – скажете мне. Вот с ним я и сыграю». Шахматные игры в свободные часы проводились и до этого. И всегда капитан выходил победителем. Часто переживал, бывало, и по несколько ходов. Никто, кроме токаря Онищенко, не возражал ему и, чтобы закончить такую игру, соглашался с проигрышем. Вася же Онищенко такой игры не признавал, на что капитан отталкивал доску, фигуры падали, а сам поднимался и уходил. «Капитану, понимаете, возражает!»

Итак, график был вывешен. Система была такая: проиграл – выбываешь. График был оформлен красочно. Многие изображенные фигуры были похожи на участников, что вызывало веселые насмешки друг над другом. «Козлиный» график был разукрашен еще более интересно. Каждой паре надо было сыграть пять партий. Оценка давалась не только за победу, но и за оригинальный выигрыш. «Козлы» были «сухие», адмиральские, генеральские, смотря какой костью закончить игру: пустышкой или шестеркой. Наши «морские волки» после проигрыша ругались, что называется, в кровь. На ботдеке соревновались гиревики, штангисты, боксеры. Матрос Слава Новиков оказался классным штангистом! Я подкупился к нему, и мы занимались штангой и специальными упражнениями до самого прихода во Владивосток. Второй механик – Бубнов оказался разрядником по спортивной гимнастике и занимался с любителями на турнике и брусьях. Даже как-то помполит уговорил капитана прийти вечером на кормовой ботдек. Тот подошел к гиревикам и, могу поклясться, одним мизинцем правой руки поднял двухпудовую гирю, опустил на помост под восхищенные взгляды и

проговорил: «Салаги! Вот как надо!» Мужик он был широк, костист. Силен, одним словом. Не пил спиртного и не курил!

Танкер был старой постройки, никаких более-менее сносных бытовых условий для экипажа не было, а вот жизнь на судне проходила весело, спортивно. Крутили по темноте фильмы прямо под навесом. Была организована даже самодеятельность. Читали стихи, пели под баян. Хоть и считали должность помполита находкой для безответственных нахлебников, а наш проявил именно те качества, ради которых и была эта должность введена на судах. Все зависит от человека, от его дел.

А в свободное от работ и вахт время за убранным обеденным столом сидели, подперев головы, наши «Ботвинники». Поскольку капитан с опаской ожидал, что победителем будет Вася Онищенко (он ведь не давал переживаться!), помполит, наблюдая за игроками, понял, что победителем может оказаться Володя Толкач. Всячески его настраивал на победу. Хотя этого и не нужно было делать. Володя играл хорошо, знал теорию шахмат. Так и случилось: он обыграл всех. Через помполита доложили капитану. На другой день в средней надстройке у левой спасательной шлюпки застучал молоток и зажужжала пила плотника. По указу капитана был сколочен стол для игры. Для капитана принесли кресло, для Володи нашлся стул. Было передано через помполита желание капитана: никаких зрителей! Очень уж это всех расстроило. Но что поделаешь?

Сменились с вахты в 16.00. В те годы с 17.00 до 18.00 был чай, а ужин – с 19.30 до 20.30. После чая Володя надел рубашку, чистые сингапурские штаны (не джинсы, тогда как-то о джинсах и разговора не было). Взяв шахматную доску с фигурами, провожаемый всем кормовым населением, вразвалочку пошел Володя к 18 часам в среднюю надстройку, как велели. Нам видно было, как он сел за стол, расставил фигуры и стал ждать своего противника. Его предупредили, чтобы встал, когда появится капитан. И вот капитан появился. Они уселись. Володя перевернул доску так, что белые фигуры остались у капитана. Пришел на корму помполит и сказал: «Не толпитесь под навесом и не глазейте на игроков». Хотя до средней надстройки было метров пятьдесят и даже никаких разговоров не было слышно, тем не менее, такое «пожелание» было исполнено. Наблюдали за игроками украдкой. Видели, что игра идет напряженно, но чаще над доской манипулируют руки капитана. В тропиках темнеет быстро, и после 19.00 к игрокам был вызван электрик Коля Сероноженко. Он принес трюмную люстру (с несколькими лампочками) и укрепил ее так, чтобы освещать стол и не слепить игроков, но пока не включал. Как только он вернулся на корму, его окружили: «Ну, как там у них?» «Да кто его знает! – говорит Коля. – Все фигуры вроде на доске. И я так и не успел заметить, чей же перевес».

19.30, начало ужина, а игроки сидят. «Вот дает, а? – удивлялись мы все. – Даже Толкач не может его одолеть!» Только к 20.00, к концу ужина, видим: капитан встал, ушел, а Володя собирает фигуры, доску – под мышку и так же вразвалочку идет к нам на корму. Мы его встречаем, сами понимаем, вопросом: «Ну, кто победил?» Валера Мальшин уже с карандашом: кому – единичку в таблицу, а кому – ноль? Не спеша так Володя говорит:

– Сказал, чтоб мне поставили единицу.

– Выиграл? Вот это да! А что так долго?

– Да так партия сложилась.

Как потом выяснилось для меня – мы же на одной вахте, – его предупредил помполит, чтоб игру эту не комментировал среди экипажа. Сыграл – сыграл, и все дела. Я историю этой партии узнал той же ночью на вахте. Ушел как бы на перекур, поднялся в кочегарку.

– Слушай, Володя, давай Расскажи про эту партию. Что, Гриша такой сильный шахматист?

– Ты знаешь, – смеется Вовка, – мы не одну, а партий пятнадцать сыграли, уже точно и не помню.

– ???

И Володя со смехом мне рассказал об игре с капитаном. Надо отдать должное Володе. Ну и мне. В общем, мы никому не рассказывали об этой, в общем-то, курьезной партии. Думаю, Во-

лодя не будет на меня в обиде за мой теперешний о ней рассказ.

Вот о чем он тогда мне поведал:

– Только начали, смотрю – ходу на пятом или шестом вывел коня с правого фланга прямо под удар моего слона. Думаю: он что, не видит, что конь не защищен? Сижу, не решаюсь этого коня брать: думаю, что увидит. А он: «Чего задумался, милоч? (Любил он это слово, когда был в хорошем настроении). Вот так, сейчас мы тебя загоним в угол!»

Ну что ж, раз не видит, беру коня слонем.

– Как так? Стой, стой! Я тут стратегию разрабатываю, а он воспользовался! Нет, милоч, так дело не пойдет!

Конь ставится на место, где я его взял, мой слон – на свое место, но конь-то остается под ударом!

– Да, немного я недосмотрел, – говорит.

Конь ставится на другое место. Мои же фигуры остаются там, где он зевнул. Получается, что он вернулся на два хода назад. Я не возражаю...

– Так, милоч. Мы сейчас другую позицию создадим.

Двигает вперед пешку перед белым слонем. Я тоже двигаю вперед пешку. Вижу, хочет обрушиться на мой левый фланг. Под защиту пешки выводит белого слона, угрожая моему коню. Подумаю немного, меняю позицию коня. Забираю его пешку конем, она не защищена. Опять возглас:

– Ну, ты, милоч, только зевки ловишь! Я тут позицию организирую, вдаль смотрю, а ты вот как!

Заставляет меня переходить, но я отказываюсь. Тогда он возвращает свою пешку назад, и я уже не рад этой игре. Допереживался до того, что на белом поле оказалось два слона. Говорю ему об этом. Смотрит на доску...

– Так что же ты, милоч, не подсказал? Я так задумался, что, двигая черного слона, немного сбился!

Опять переживание. Так расставил фигуры, что практически партию начали заново. А время идет, ничего у него не получается, и мне с такой игрой никак не удается прижать его. Переживание без конца. А когда я все же сумел расстроить его план своей рокировкой, он аж возмутился:

– Ну, ты, милоч, как-то непонятно играешь. Я тут планирую, организирую атаку, а ты мне все расстроил!

Молчу. Дважды ему не удается уйти уже от мата. Опять переживание. Ну, никак не соглашается, что не в силах со мной соперничать. А я, помня наказ от народа – не спорить, соглашаюсь с его переживаниями, но не даю ему никак даже шах мне объявить. Какой он шахматист, я уже понял. Уже стемнело, люстру включили, начался ужин, и ему, видимо, стало понятно: не совладать ему со мной.

– Ладно, давай закончим, – говорит, когда я объявляю ему очередной шах. Деваться ему некуда, но и переживать не стал. Понял, видимо, что такая игра выглядит не совсем добропорядочно.

– Пусть тебе поставят единицу, – говорит. – Но учти, что я все же лучше тебя играю.

Молча киваю, собираю шахматы и ухожу.

Как нам сказал помполит, это его первый проигрыш на этом судне.

ПЛЮС АНГЛИЙСКИЙ

Кроме шахматных баталий и спортивных занятий, было организовано на танкере еще одно «мероприятие» – занятия английским языком. Это уж точно по инициативе второго штурмана Александра Ивановича Петракова. Весь комсостав обязан был, по приказу капитана, эти занятия посещать. Три раза в неделю. Александр Иванович – душа-человек, только хорошие воспоминания о нем остались. Когда брали на борт лоцмана (в иностранных портах, в Суэцком канале), он всегда был на мостике. Другие штурмана знали, конечно, обычные фразы по управлению судном, понимали команды лоцмана, но этого, конечно, было недостаточно. Общался с лоцманом при его прибытии на судно на мостике и при его отбытии на катер всегда Александр Иванович. Знал он английский язык отлично, окончил ВВМУ. Все увольняемые на берег, особенно в иностранных

портах, стремились попасть в группу, старшим в которой был Александр Иванович.

Итак, используя длительность перехода, было решено «подтянуть» английский язык комсостава. Мы с Володей Толкачом, как имеющие за плечами среднюю школу и техническое училище, попросили у капитана разрешения посещать эти занятия. Добро было получено. Как же замечательно эти занятия проходили! Сколько лет прошло, а многое из полученных знаний помнится. Проходили занятия в кают-компани. Александр Иванович строил их исходя из той «грамотности», которая была почти у всех членов кают-компани. Учили не только фразы, как, например, узнать, где посольство или как попасть на судно, как вести себя на малай-базаре и много чего другого, но и понимать ответы на них. Внужать, в общем-то, не особенно грамотному в английском языке судовому населению правила грамматики было бесполезно. Учил Александр Иванович, особенно штурманов, общению с лоцманом, как вести переговоры по радиосвязи в иностранных портах. Не забыли и механиков, для них тоже нашлись задания. Занятия проходили просто, насколько позволяли капитан и Александр Иванович, весело и живо. Никто не оставался безучастным, только сидящий впереди всех капитан всегда помалкивал или же изредка поддакивал Александру Ивановичу: «Да, да. Вот так, правильно».

После первого часа занятий был перерыв пятнадцать минут. Прямо у выхода из средней надстройки находились световые люки помпового отделения, а рядом – две скамейки. Судно было дегазировано, на этих скамейках разрешалось отдохнуть и перекурить. Капитан на перерыв поднимался к себе или на мостик, а мы располагались на скамейках, весело обсуждая наши занятия. Наш электрорадионавигатор, или по-другому спирит, Паша Недобой, человек веселый, юморный, специализированность свою получил на курсах, где английским языком и не пахло. В этот раз Александр Иванович очень уж сильно погонял его по домашнему заданию. Даже капитан обратил на его ответы внимание: «Пал Тихоныч, ты что же это, понимаешь, задания плохо готовишь?» И вот на перекуре Паша, изображая удручение, говорит: «Александр Иванович, меня и других вон как гоняете по заданиям, а почему капитана никогда не спрашиваете?» Александр Иванович, хорошо зная Пашины и капитанские познания в английском языке, ответил так: «Да знаете, Пал Тихоныч, капитан сразу меня предупредил, чтоб я его не спрашивал, потому что у него другой учебник». Паша – еще вопрос: «А можете сказать, какой у него учебник и как он силен в английском по сравнению с нами?» Улыбаясь, Александр Иванович ответил: «Учебник у него за средней школой, а насчет познаний... Вот как только он научится различать «is» и «this», тогда можно будет говорить о каких-то сдвигах в овладении английским языком».

Да, весело проходили наши занятия! Уверен, что не без пользы для всех нас.

Так вот протекала жизнь – рабочая, спортивная, учебная – на светлой нашей памяти старом танкере «Серго».

Танкер – судно для перевозки жидких грузов.

Брашпиль – палубный механизм для выборки и отдачи якоря и якорь-цепи (каната).

Веретено якоря – основа конструкции якоря, продольный стержень, в верхней части которого имеется скоба для крепления якоря к якорной цепи, а в нижней – рога, заканчивающиеся лапами с острями – носками.

Ви́ра канат! – команда на брашпиль: начать выборку якорь-цепи.

Помповое отделение – помещение, где располагаются грузовые и зачисленные насосы (помпы).

Червяк – винт с крупной мощной нарезкой, для передачи усилия на червячное колесо (шестерню). Якорный клюз – место крепления якоря после выборки.

Стопора якорь-цепи – винтовые устройства, предотвращающие самоотдачу якоря; ставятся после окончания выборки якоря на часть цепи, идущей от клюза к звездочке брашпиля.

Смычка якорь-цепи. Якорная цепь состоит из частей (смычек), каждая по 25 – 27 метров длиной. Смычки состоят из звеньев, соединяются между собой скобками, имеют маркировку, по которой боцман определяет количество отданных или выбранных метров (смычек) и ударами колокола (рынды) оповещает об этом мостик.

КРАСНЫЙ РАТОБОРЕЦ

Исторический очерк

К 90-летию разгрома Охотского фронта партизанской армии ДВР
под командованием Якова Ивановича Тряпицына

Сергей ЮДИНЦЕВ,
г. Владивосток

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ВЗЯТИЕ НИКОЛАЕВСКА

25-28 февраля после почти трехмесячной осады Николаевска Сирамидзу вступил в переговоры. Он был вынужден признать Советскую власть. На переговорах кроме японцев присутствовали два колчаковских офицера – Мургабов и Немчинов. Я. Тряпицын предложил на основании Декларации генерала Сирамидзу прекратить боевые действия против Красной Армии и заключить паритетный мир. Главными условиями такого мира стали: предложение разоружить белогвардейские подразделения Николаевского гарнизона, а также сдать все караулы бойцам Красной Армии и разместить весь личный состав японских войск в тех помещениях, на которые им будет указано. Условия мира были приняты и подписаны японским командованием, белогвардейцами, представителями городского самоуправления и командованием Красной Армии.

Во времена «железного занавеса» историки советского периода писали о жестоких боях на подступах к городу. Существует документ, который проливает свет на, мягко говоря, искаженные факты в отношении Я. Тряпицына. После вступления красных в Николаевск в штабных документах появилась запись «... Город занят нами без боя 28 февраля». Жестоким боям ещё предстояло быть. Мог ли знать Яков Иванович, отправляя в Москву телеграмму Ленину о заключении мирного договора с японской стороной, что майор Исикава, хитрая лиса, держит за пазухой камень. А ведь его подпись тоже стояла на телеграмме рядом с подписью Тряпицына. Вот текст того документа: «... Мир заключен 28 февраля в 5 часов вечера ... с соблюдением обеими сторонами международных законов вообще и в частности, экстерриториальности. Надеемся, что в дальнейшем не будет столкновений между войсками Японии и Красной Армии...»

В руках Чрезвычайной комиссии (ЧК), возглавляемой партизаном Е.Т. Беляевым, оказался полный пакет документов белой контрразведки. Внимательно изучив личные дела, красные провели серию арестов тех офицеров и казаков, кто выступил против Советов.

В то же время город начал жить спокойной, размеренной жизнью. Почти 20-тысячное население за первые две недели в работе и заботах о хлебе на-

сущном и не подозревало о том, что творилось за стенами гарнизонной тюрьмы. Предприятия и магазины работали в полной мере. Большевики активно проводили политику военного коммунизма. Вопрос о рыбалках и заездах решился в пользу трудового народа. Была создана Комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом. 50 плетей получил комендант города Плевако за то, что в общественном месте появился в стельку пьяным. Тряпицын отправил на Орские прииски шестерых механиков, которые должны были в местных мастерских наладить выпуск снарядов и патронов для армии. Управляющий приисками Дайер писал, что за три месяца горе-механики сумели лишь нарезать железные прутья да загубить технику...

Чувствовалось, что большевики пришли на Амур с одной целью – закрепиться здесь надолго. Красная Армия вошла в Николаевск под лозунгом «Мечь – наш долг». Могло ли быть иначе? Вероятно, нет. Красный террор, объявленный Лениным после убийства Урицкого, охватил всю Россию. И вот докатился до её окраин. Японцы, будем объективны, сами заметно осложнили себе жизнь тем, что перед вступлением в Николаевск красных отрядов, расстреляли активистов-большевиков, заключенных в тюрьму. На льду Амура из-под сугробов партизаны откопали более 30 трупов. Людей перед смертью жестоко пытали. По решению ревтрибунала партизаны совершили акт возмездия – расстреляли взятых в заложники белогвардейцев и тех японских военных, которые были уличены в расправе над партизанами.

Виктор Петров, русский эмигрант, издавший в Вашингтоне книгу «Катаклизм», писал: «... Хорошо зная о кровавых расправах Тряпицына над белыми, многие офицеры лишили себя жизни, перерезав стеклами вены на руках... Тюрьма была забита арестованными, бросали туда не только мужчин, но и женщин». Но это было следствие, о причинах которого пишет другой белоэмигрант Я. Лович (Дейч). «В декабре 1919 года комендант Николаевска, полковник Медведев, получив сведения, что красные отряды Тряпицына сосредоточились по Амуру выше города, у деревни Циммермановки, решил отправить туда отряд, чтобы рассеять партизан. Отряд, составленный, главным образом из учащейся молодёжи, призванной на военную службу, должен был идти в опасный поход под начальством офицеров – Токарева и Цуканова» [1]. Далее автор вольно или невольно свидетельствует о

том, как юный сын известного в Николаевске учителя, эсера Николая Ивановича Синцова, готовится к бою с партизанами.

« – Ты не пойдёшь! – взволнованно говорил Леониду Николай Иванович. – Я не отпущу тебя.

– Папа, не говори глупости! – розовощёкий крепыш Леонид был взволнован не меньше отца. – Как это не пойду? Я должен идти, раз все идут. Ты хочешь, чтобы меня назвали трусом?

– Но это преступление! – вскричал Николай Иванович, снимая и снова надевая пенсне. – Посылать на убой мальчишек! Ведь тебе недавно только исполнилось семнадцать лет. Нет, нет! Это невозможно!

– Лёня! – умоляюще сказала сыну Анна Алексеевна. – Я прошу тебя, не сердь отца! Ну какой из тебя солдат? Ты ведь ещё ребёнок.

– Ребёнок? – гневно воскликнул Леонид. – Я лучший стрелок во взводе! Меня поручик Токарев в унтер-офицеры наметил. Что вы понимаете в этом деле! Я должен идти и пойду! И потом, это не от меня зависит: приказано – значит, нужно идти!

– ...Сейчас позвоню полковнику Медведеву, – раздражённо сказал Николай Иванович. – Я скажу ему, что жестоко посылать против партизан желторотых мальчишек.

– Ну иди, говори! – зло пробормотал Леонид. – Интересно, что он тебе ответит? Помни, что я на военной службе».

Торжественно, с полной уверенностью в победе выступил белый отряд против партизан. « – Больше спокойствия! – кричал Токарев своей молодёжи. – Пулемёты – на фланги! Задайте жару товарищам! ... Пусть каждая льдина будет вам крепостью! Помните, что это трусливая сволочь, которая удерёт, когда увидит, что мы твёрдо решили взять Циммермановку. Ну, ребята, с Богом, в цепь!»

Наступление захлебнулось под плотным пулемётным и оружейным огнём противоборствующей стороны. Леонид Синцов получил ранение в плечо. Его через пять дней привезли на санях в Николаевск, простуженного, обмороженного, потерявшего много крови и в бреду. Некоторые раненные погибли. Юный защитник города не успел залечить рану, как был арестован по приказу партизанского ревштаба. Все офицеры, принимавшие участие в том проигранном белыми бою, были заключены в тюрьму. Поручик Токарев, руководивший наступательной операцией, «...помешался, рычит, как животное, когда к нему подходят партизаны, жуёт солому. А напротив нас камера корнета Парусинова. Его порют каждый день. Вся спина его гниёт. У него сломана ключица, сломана рука. Его допрашивают главные убийцы – Морозов и Оцевилли. Тушили о его лицо папирсы. Сейчас Парусинова на пытки уже не водят, а носят на носилках...», пишет в книге «Враги» Яков Лович. Леонид Синцов был расстрелян на берегу Амура во время провокационной вылазки японских отрядов. Полковник Медведев, пославший в Циммермановку необстрелянных юнцов, после посещения японского штаба, попрощался с майором Исикава и «...вернулся в ко-

мендантское управление в 10 часов вечера. Подошёл к дежурной телефонистке, спросил, нет ли каких-либо новостей. Прочитал какую-то бумажку на столе, порвал её. Взял телефонистку за руку и нежно поцеловал измазанные в чернилах пальцы.

– Прощайте...

Повернулся и пошёл в свою комнату, оставив телефонистку в совершенном изумлении: чтобы этот сухой службист поцеловал руку! Вскоре телефонистка услышала сухой выстрел...» [2].

Японцы по распоряжению майора Исикава тайно похоронили Медведева. Они так же предали земле тела офицера Слёзкина, фон Луница и Андреева, которые, как и их старший начальник, – застрелились...

Первым в город вошёл отряд лыжников под началом Лапты, которому Тряпицын дал карт-бланш, зная о его предательских делишках в 1919 году, когда он и Заварзин выдали калмыковцам законспирированное место сбора красновардейцев. Лапта не пропустил ни одного допроса и дал показания на всех членов подпольной организации. За это Калмыков оставил его в живых. После установления Советской власти в Хабаровске Лапта переметнулся к красным партизанам.

Во время провокационного нападения японского гарнизона на партизанский штаб (весной 1920 года) Николаевск несколько дней будоражило. Трупы белогвардейцев партизаны бросали на берегу Амура. Синцов нашёл сына, но его ждала участь многих николаевских «буржуев» – расстрел. Это была откровенная месть за то, что творили калмыковцы в 1918 году. Многие красные партизаны, побывавшие в плену у белогвардейцев в так называемом жёлтом вагоне смерти, где пытали, пороли и убивали не менее жестоко, чем в застенках Николаевска.

Сын беглого политкаторжанина Кондрата Бровцева, Михаил, ставший в гражданскую войну комиссаром Красной гвардии, в своих записках вспоминал: «Каждому, кому приходилось бывать или проезжать через станцию Хабаровск в период калмыковской диктатуры, бросался в глаза странный поезд, окрашенный в неприятный жёлтый цвет казачьих лампасов. Грязному воображению кровожадного вампира, взбудораженного и окрылённого мизерными успехами своего оружия в действиях против красных советских отрядов на Уссурийском фронте 1918 года, грезилась грандиозные победы над предателями Родины – большевиками, в результате которых колесо истории должно повернуться в желаемую для Калмыкова сторону. Но судьбе угодно было положить предел большим замыслам авантюриста. А между тем жёлтый поезд Калмыкова время от времени курсировал от Хабаровска до Владивостока и обратно, «наводя» государственный порядок и спокойствие среди населения, не успевшего по разным причинам скрыться или просто предаваемого многочисленными провокаторами. Сторонники советской власти хватались калмыковцами и сажались в особый «вагон смерти». Это был обыкновенный арестантский вагон, иначе говоря

Фото Ольги ПЕТРОВОЙ, п. Ольга

– застенок, где предварительно перед смертью пытались и зверски истязались бесчисленные жертвы казачье-буржуазной диктатуры...» [3].

Узницей «вагона смерти» стала женщина-комиссар А.П. Ким-Станкевич. Её долго допрашивали, пытали и, ничего не добившись, расстреляли. Начальнику боевой дружины Погодину палачи «прокололи кинжалом ладони рук, Марковцеву сожгли нос» [4]. Владелица пароходов Друнина, красивая и обаятельная женщина, приехавшая по делам из Благовещенска в Хабаровск, была арестована начальником юридического отдела Кайдауровым. Калмыковец изнасиловал женщину, отобрал все драгоценные вещи и бросил в «вагон смерти». Она не принадлежала ни к белым, ни к красным... Подобных примеров Бровцев приводит множество. Он, избитый, измученный многодневными пытками, чудом вырвался из цепких лап Калмыкова и без колебаний вступил в отряд Я. Тряпицына.

На Амуре красные партизаны, зная о жестокости белогвардейцев, применяли те же самые зверские методы пыток против так называемого контрреволюционного элемента. Тем офицерам, которые переходили на их сторону, они давали возможность искупить вину перед трудовым народом своим непосредственным участием в боях против белых и японцев.

Такое предложение было сделано и полковнику Вицу, но он его не принял. Иван Николаевич скрупулёзно фиксировал события тех дней в личный дневник, который чудом сохранился, впрочем, как и предсмертные письма полковника. После переговоров с Тряпицыным и перехода на сторону партизан большей половины солдат в подчинении Вица осталось 48 человек. После отступления в бухту Де-Кастри полковник, словно предчувствуя гибель, тщательно записывает в своём дневнике: «В 11 часов 11 января на маяк прибыл Николаевский экспедиционный отряд в следующем составе: 1. Полковник Иван Николаевич Виц, начальник отряда. 2. Василий Данилович Печонкин, адъютант. 3. Поручик Александр Артамонович Степанов, старший офицер. 4. Поручик Яков Григорьевич Цуканов. 5. Владимир Густовович Гарф.

6. Пётр Григорьевич Залхотаев. 7. Александр Николаевич Королевич. 8. Дмитрий Петрович Пустовалов. 9. Филипп Петрович Григоренко. 10. Владимир Антонович Дзеконский. 11. Врач Лаукс Альфредович. 12. Чины Нижне-Тамбовской почтово-телеграфной конторы, прикомандированные к отряду: Анусевич Витольд Станиславович. 13. Жолудь Емельян Осипович. 14. Лохов Иван Евстегнеевич. 15. Абраменко Максим Алексеевич. 16. Юнкер Пётр Пашкевич. 17. Старший унтер-офицер Фёдор Носов. 18. Младший унтер-офицер Миронович Эдмунд. 19. Ефрейторы: Иван Смирнов, 20. Андриан Паркуль. 21. Павел Григоренко. 22. Фельдшер Тихон Цуканов. 23. Рядовые: Евдоким Булгаков, 24. Григорий Гагаров, 25. Владимир Крупицкий. 26. Василий Политов. 27. Василий Титкин, 28. Хаим Капцан, 29. Моисей Езерский. 30. Иван Мамотин. 31. Николай Мозгунов. 32. Андрей Подкапаев. 33. Григорий Зануда. 34. Саламон Авшалумов. 35.

Абрам Люри. 36. Владимир Журавин. 37. Сергей Наумов. 38. Соломон Шлеймович. 39. Исар Палатников. 40. Павел Рябченко. 41. Порфирий Мягин. 42. Наум Стружин. 43. Исаак Видеров. 44. Абрам Питель. 45. Владимир Крельштейн. 46. Михаил Весин. 47. Павел Миллер. 48. Фёдор Ерёмкин. 49. Михаил Степанов.

Офицеры разместились в комнате смотрителя, а солдаты в комнате служащих маяка. Кладовая, склады, баня – в окнах устроили бойницы. На маяк прибыл управляющий Де-кастринской таможенной заставой коллежский секретарь Василий Яковлевич Карташов с женой Лидией Августовной и сыном Василием и размещены у смотрителя. С заставы приведены 4 лошади, корова и телёнок. С лоцманского домика и кладовой сняты печати. Взято 45 пудов муки, 1 куль соли и посуда. Из метеобудки сняты все приборы. Сами сожгли (случайно – С.Ю.) лоцманский домик. Ветром перебросило огонь на склад, который и сгорел дотла с имуществом и припасами. Прекращено отопление здания...» [5].

Спустя несколько месяцев этот людской список превратился в мартиролог жертв, павших от рук партизан. Такой была месть за отказ перейти на сторону Советов. О полной победе и окончании борьбы с контрреволюцией в районе Де-Кастри с чувством выполненного долга докладывал Тряпицыну командир полка Стрельцов-Курбатов.

1. Лович Я.Л. Враги. М. 2007.
2. Там же.
3. Квятковский Ю. Громы над Амуром. Х. 1996.
4. Там же.
5. Эч В. Исчезнувший город. В. 1920.

От редакции

В «ЛитМ» № 4 за 2010 год в материале «Красный ра- тоборец» на с. 30, абзац 6, вместо строки «Летом 1920 года он лично возглавил мятеж...» следует читать: «Летом 1920 года он застрелился при переходе из Николаевска в Чля».

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Поразительно, но иной день в нашей жизни значит очень многое. И каждому из нас в такой день приятно вспомнить что-то своё – школьный выпускной, светлый миг знакомства с любимым человеком, долгожданный выход в свет первой книги, лучистую улыбку первенца...

Вот и суровые крещенские холода оправдываются заливистым смехом детей, летящих с горы на санках. Ночи всё короче, и на вершине зимы с терпеливым ожиданием мы всматриваемся в далёкий, едва только наметившийся свет весны. И замирает сердце в предвкушении грядущего, и хочется любить и творить только доброе и большое – на радость людям.

В первом номере наступившего года мы, как мне видится, заслуженно много уделили внимания искренним начинаниям – обратились к соотечественникам с призывом принять участие в создании Священного Холма с Крестом прощения, в молитвенной памяти вспомнили о тяжёлых утратах – о Евгении Лебкове, Белле Ахмадулиной и сербском Патриархе Павле, русских поэтессах минувшего века.

Январский номер богат и на качественную прозу, и на достойные стихи. И за это хочется поблагодарить наших авторов.

Ничуть не сомневаюсь – январь особенный месяц в году.

15 января – день памяти **святого Серафима Саровского**.

Преподобный Серафим Саровский – один из великих чудотворцев, просиявших на Земле Русской, кто удостоен празднования дня памяти дважды в году: 1 августа и 15 января.

15 января отмечается день его кончины и память вторичного обретения святых мощей чудотворца, изъятых после революции в 1917 году.

Невозможно не привести размышление из завещания преподобного:

*«Почему сейчас не ведут такую же строгую жизнь, какую вели древние подвижники благочестия? Потому, что не имеем к этому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, древле просиявшие подвигами и благочестием, потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде: ибо по слову Божию **«Иисус Христос вчера и днесь, Тойже и во веки»**(Евр. 13,8). Будем по зернышку учиться, а там, матушка, всему научимся и спасёмся... А кто имя мое будет поминать, не оставлю и я в молитвах моих».*

Владимир Костылев

P.S.

15 января исполняется **3 года** нашему ежемесячнику.
С чем вас и поздравляю!

Православная религиозная организация
**Приход храма Благовещения Пресвятой
Богородицы г. Арсеньева.**
692330, Приморский край, г. Арсеньев,
ул. 25 лет г. Арсеньеву, 2.

РЕКВИЗИТЫ ХРАМА:

АКБ «Приморье»,
г. Владивосток, БИК 040502795,
кор.счѐт: 30101810300000000795,
ИНН/КПП 2536020789/254001001
Банковский счет
№ 40703810900021555201
(Офис банка в г. Арсеньеве:
ул. Жуковского, 29.
Тел. (42361) 3-67-67)

«Христос рождается – славьте!
Христос с небес – встречайте!
Христос на земле – возноситесь!
Пой Господу, вся земля, и с ве-
селием воспойте, люди: Он про-
славился», – возвещает Святая
Церковь о величайшем всемирном
событии – рождении Богомладен-
ца, Иисуса Христа, истинного Бога,
шедшего на землю, чтобы взять на
Себя всю тяжесть грехов челове-
ческих и спасти человека от смерти
духовной и телесной.

Рождество Христово, ознамено-
вавшее новое время на земле и
озарившее мир светом богопозна-
ния, – радостнейший праздник для
всех верующих.

Поздравляю прихожан храма
Благовещения Пресвятой Бого-
родицы и всех православных хри-
стиан с торжествующим, светлым
Рождеством Христовым! Для нас
родился Младенец юный, предвеч-
ный Бог!

**Иерей Николай (Хоменко),
настоятель храма Благовещения
Пресвятой Богородицы**